Г 29

Гейдемарк

Биплан „С 666".

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
у[illegible]ного здесь ср[illegible]

Г 29
83-3

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ ГЕЙДЕМАРК

БИПЛАН „С 666“

ИЗ ЗАПИСОК ЛЕТЧИКА НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 58427

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО
Л. М. ГАУСМАН

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Г. А. Н. ГОРЛИНА

VV

БИБЛИОТЕКА
Инв № 58427
VV

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

Обложка работы С. Пожарского.

Гиз № 11991.
Ленинградский Гублит № 7066.
4 л. Отп. 5.000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ.

Книга лейтенанта Гейдемарка является, собственно говоря отрывками из его дневника, рядом безыскусственных записей о жизни и работе военного летчика.

Как известно, в мировой войне авиация сыграла огромную роль. Если бесспорно, что в условиях позиционной борьбы на франко-германском фронте исход боев решала артиллерия, то не менее ясно, что такого результата она достигала только при помощи воздушной разведки.

В неизбежных войнах будущего авиация займет еще более видное место. Эскадрильи воздушных левиафанов, энергично вмешиваясь, в качестве боевой силы, в сражения на земле, будут, несомненно, предопределять судьбу противников. А это обстоятельство делает особенно важной своевременную подготовку к еще предстоящим, по всей вероятности, схваткам между большими и малыми нациями.

СССР отнюдь не застрахован от нападения на него (рано или поздно) мирового капитала. Ни для кого не секрет та политика враждебного окружения, которую упорно ведут изо дня в день против нашего пролетарского государства европейские буржуазные правительства. И все мы знаем также, какое внимание уделяет наше правительство авиации вообще и военной — в частности. В этом отношении книга обер-лейтенанта Гейдемарка может оказаться для нас небесполезной для изучения и усвоения авиационного опыта минувшей войны. Она для нас тем более интересна, что автор ее — этот прекрасно дисциплинированный наблюдатель и хладнокровный, мужественный боец — один из тех, на которых всегда и везде основывалась, в значительной степени, мощь всякой армии.

Его рассказы об его полетах, как удачных, так и неудачных, на неприятельскую территорию, о разведках и налетах, о воздушных поединках и сброшенных им в тылу у противника бомбах, — словом, о трудной и опасной работе боевого летчика, — прочтут с интересом не только военные специалисты, но и тот массовый советский читатель, которому часто приходится задумываться о неизбежных еще схватках пролетариата с мировым капиталом.

БИПЛАН „С 666“

ИЗ ЗАПИСОК ЛЕТЧИКА НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

Пилот: Унтер-офицер Энгман
Наблюдатель: Обер-лейт. Гейдемарк

ВОЗДУШНАЯ РАЗВЕДКА.

— Господин обер-лейтенант!

Я вскакиваю, заспанный.

Ах, да! Ведь сегодня мой первый очередной полет! Долой с постели!

— А что погода? — спрашиваю денщика.

Он пожимает плечами.

— Как сказать, господин обер-лейтенант: звезды хоть и есть на небе, но и облака тоже!

Я проворно сую ноги в туфли и бегу на двор.

Наверху, там и сям, легкие облачка барашками, а в общем прекрасное чистое небо. Но сегодня звезды светят не четко и ясно, словно проткнув острием циркуля небесный свод, а мерцают беспокойно, неровно, подобно огонькам свечей на ветру... Я знаю, что это означает: воздух насыщен влажностью, и к утру появятся тучи. Но пока их еще нет, а потому — на аэродром!

Через четверть часа я в офицерском собрании, где меня уже дожидается мой пилот Энгман. Подают горячий как кипяток кофе. Удивительно, как подкрепляет! На придачу, хлеб с вареньем и даже яйца в смятку. Как ни скуден их запас в настоящее время, но в них не отказывают летчикам, которым предстоит очередной полет.

Покончив с первым бутербродом, я украдкой перевожу глаза на Энгмана. Он, как раз, намазывает себе — с полным еще ртом — третий хлебец. Вот наслаждается человек!

Желая убить время, я наливаю себе вторую чашку кофэ и прихлебываю из нее до тех пор, пока Энгман не выпи-

вает четвертую порцию, после чего, вполне удовлетворенный, он энергично вытирает рот.

— Ну, Такэ, посмотрим-ка еще раз на карту. Задание на сегодня: обычная воздушная разведка.

Я обвожу рукой по карте пространство около двух тысяч квадратных километров.

— Бомб сегодня не сбрасывать, — продолжаю я. — Надо будет сделать фотосъемки: железнодорожного треугольника западнее вокзала Серона, лагеря восточнее деревни Фроман, аэродромов Сен-Третена, Вакка и Лоселя.

Энгман кивает головой.

— А где мы перемахнем через фронт? — спрашивает он.

Я пожимаю плечами.

— Да... вероятно, у Сарло. В бюллетене о погоде что-то упоминается, о западном ветре.

Через минуту наш автомобиль несется по тихим улицам городка. Энгман смотрит на небо.

— Мне кажется, ветер дует даже с юго-запада, — говорит он.

Я того же мнения.

— Да... И очень скоро ветер надвинет на нас облачный покров... Посмотрите-ка вон там, сзади: видите, как тянется кверху серая густая гадость...

Энгман кивает головой.

— Да, сегодня утром, как видно, не придется стартовать.

Около часовых, охраняющих аэродром, я останавливаю машину и пробираюсь с пилотом по сырой дорожке к нашему ангару. Шоффер тащит за нами фотоаппарат и карточки для моих записей.

Через дверцу сарая проникает яркий луч света и остро вырезывается на нашем пути.

— Здорово! приветствую я дежурную команду. — Можете итти кто куда хочет: сейчас и думать нечего о подъеме.

Затем я подхожу к самолету.

— Постойте, Такэ... Дайте-ка я положу все на место, чтобы нам не мешкать потом, когда прояснится.

Я осторожно взбираюсь на мое сиденье. Проверяю: пулемет установлен как следует быть; две обоймы с патронами, справа и слева, лежат в кабине; вот — ракетный пистолет и бинокль, карандаши для записей и для зарисовки, отвертка

и изоляционная лента; вот спички, горящие на ветру, и пакля для поджога аэроплана на случай аварии в районе неприятеля; дальше — прибор для записей высоты и ключ с винтом... Словом, все на своем месте.

Тем временем второй дежурный по аэродрому вынимает из ящика фотокамеру и подает ее мне. Пробую затвор: действует. Вставляю ее в гнездо слева, спереди, где она всегда будет под рукой. Укладываю двойные запасные кассеты со свежими пластинками в сумочки, налево от сиденья.

Ну, теперь остается только прикрепить карты — и все готово.

Энгман, в свою очередь, осматривает испытующим взглядом самолет: всюду ли натянуты стяжки? есть ли в резервуарах масло, вода и бензин? И здесь все в исправности.

— Ну, теперь можно сходить на квартиру, — говорю я Энгману.

* * *

Дома я бросаюсь, одетый, на кровать.

— Гуго, буди меня каждые полчаса, а если прояснится, то немедленно! Даже если в небе покажется хоть самая маленькая голубая дырка!

Через три минуты я снова сплю.

В половине шестого денщик будит меня в первый раз.

— Ну?

— Накрапывает дождик.

— Ладно! В шесть часов толкни еще раз.

Я бросаюсь на левый бок и снова засыпаю.

* * *

Шесть часов двадцать.

— Господин обер-лейтенант!

— Мм...

— Маленькая голубая дырочка!

Гоп! Я соскакиваю с кровати и мчусь во двор.

Ага! Вон она чудесная дырка в облаке, желанный клочок прекрасной лазури.

Через десять минут мы с Энгманом снова на аэродроме.

— Ну, Такэ, наконец-то проясняется... Я справлюсь по телефону о видах на погоду, а вы пока распорядитесь, чтобы вытащили машину и попробовали мотор.

* * *

Виды на погоду благоприятные, и мы собираемся лететь. Выходя из стартовой будки, я вижу, как механики открывают дверь нашего ангара и вытаскивают белую птицу на зеленое поле. Энгман, в своем толстом меховом пальто, осторожно скользит между тросами к своему сиденью. В одно мгновенье готов и я. На мне кожаная куртка, шлем и шарф вокруг шеи.

Тем временем стартовая команда подсовывает колоды под колеса самолета и кладет его хвост на козелки. Я осторожно взбираюсь в мою кабинку. Бросаю еще один быстрый взгляд на свои владения: все в порядке. Я поднимаю свое подвижное сиденье и наклоняюсь вперед между обоими подкосами кабины, чтобы иметь возможность видеть пилота. Энгман, между тем, накачал бензину в бак и наклоняется вперед. Смотрю на магнето: оно стоит на „Выключено!"

— Выключено! — кричит пилот механику.

— Выключено! — повторяет последний, хватается за пропеллер и раз шесть-семь с трудом раскачивает его.

— Свободно! — кричит он пилоту и отскакивает назад.

Энгман передвигает рычажок газа на три зубца и ставит оба магнето на „Включено!"

— Свободно! — кричит он в ответ и дает контакт.

Резкий треск... самолет весь вздрагивает... и мотор начинает работать. При четырехстах оборотах в минуту он так разгоняет деревянный пропеллер, что тот кажется просто круглой тенью. Через пять минут Энгман снова наклоняется вперед и испытующе пробует руками трубу радиатора: нагрето достаточно.

— Держите крепче! — кричит он команде.

Четверо солдат хватаются за оба конца крыльев птицы, в то время как еще двое ущемляют ей хвост и цепляются за шпору.

Энгман передвигает газовый рычажок еще на несколько зубцов — и стрелка счетчика, отмечающего обороты, передвигается на 800...

Еще через минуту она показывает 1000...

Энгман немедленно передвигает рычажок еще дальше и дает полный газ. Ух, как бешено свистит пропеллер! Теперь его, кажется, совсем и нет, и только слабо мелькающая тень выдает его существование.

Стрелка доходит до 1300 и останавливается...

Рев мотора наполняет воздух... Какая мощная песнь стали и железа! Какая чудесная для моего слуха музыка!..

Пропеллер нетерпеливо дергается и неудержимо стремится вперед.

— Пускайте! Пускайте!

Бока самолета трепещут, как у чистокровного коня...

— Вперед, вперед!

Четверо солдат, — те, которые ухватились за крылья, — напрягаются изо всех сил, чтобы удержать рвущуюся из их рук воздушную машину...

Зеленая трава, словно под напором вихря, покорно никнет к земле позади машины. А разгулявшийся ветер, в порыве буйного задора, срывает фуражку с головы одного из механиков, держащего хвост машины, и относит ее на несколько сот метров...

Вдруг шум мотора внезапно затихает. Энгман опять передвинул назад газовый рычажок.

— Готово?

Я утвердительно киваю ему и приказываю команде отойти на минуту в сторону.

„Так-так-так-так!“ — стреляет, словно пулемет, мой аппарат... Отлично! Все в порядке!..

Мы быстро катимся на стартовую площадку. У каждого конца крыльев находится по дежурному.

На краю аэродрома мы поворачиваемся кругом — носом на север.

— Пускай! — кричит Энгман команде и дает полный газ.

Я быстро устанавливаю на запись барограф, и гул мотора снова переходит в мощный рев...

Огромная птица медленно трепыхается на поле... вот она поднимает свой хвост... бежит с трудом на своих двух ногах... все быстрее и быстрее... Вдруг она делает небольшой прыжок... гоп!... и незаметно отделяется от земли...

Мы летим.

Я кидаю взгляд назад... Там, внизу, — длинный ряд ангаров... Утренний ветерок весело треплет их флажки...

Вираж!.. Городок приближается. Церковь с любопытством смотрит вверх, стройно возвышаясь над крышами низких домов... Вон светятся маленькие квадраты садов... Несколько телег стоят на рынке... Грузовик, поднимая пыль, несется по Вокзальной улице... Солдаты и крестьяне останавливаются, чтобы посмотреть на нас... Какая милая для взора картина!..

Но это радостное чувство быстро тускнеет. Даже здесь, еще так далеко от фронта, в голове теснится только одна мысль: исполнить задание... Еще раз проверяю на карте свой путь. Впрочем, теперь, когда мы забираем высоту, мне незачем следить за ориентировкой: Энгман знает эту местность, как свои пять пальцев...

Вдруг — трах! Такой здоровый удар слева, что машина круто накреняется вправо. Ага! „Болтнуло!“ Энгман, с быстротой молнии, выравнивает самолет, и он мгновенно принимает горизонтальное положение... Не беда: знакомое кушанье...

Я бросаю быстрый взгляд на высотомер: 1000 метров.

Навстречу нам несутся клочья облаков. Прозрачные и тонкие, словно вуаль. Но ради них мы не только не сворачиваем, а без помехи пронизываем их массу. Им это не по вкусу, и они сердито трепыхаются вокруг нас. Ладно! Мы только смеемся над ними...

1500 метров...

Но нам нужно подняться гораздо выше, прежде чем лететь над фронтом. Я смотрю через отверстие вниз на землю. С правого края, в четырехугольной дырочке, виден как раз дом. Я слежу за ним, пока он медленно уходит от нас и слегка отклоняется вправо. Так... значит, правильно: юго-запад. Ведь мы решили, что перелетим через фронт у Сарло... Над фронтом висят облака, — но они кучевые, а не сплошные и не препятствуют правильному наблюдению.

2100 метров...

Теперь остается только пустить в ход фотокамеру, после чего можно лететь в сторону неприятеля.

Я вынимаю аппарат из гнезда и быстро соображаю: солнечный свет и легкий туман... Значит — желтое стекло, открытая диафрагма и экспозиция в $^1/_{250}$ секунды... Готово!

Я хлопаю Энгмана, чтобы он летел на фронт...

Ах, да, маленькое пояснение. Рев мотора — плохой аккомпанемент для разговора. Поэтому, мы придумали простые условные знаки: удар по правому плечу — вираж вправо, по левому — вираж влево, между лопатками — снова прямо, вперед, а по пробковому шлему — вниз; тот, кто первый увидит самолет неприятеля, машет рукой, а если мы неожиданно попадем под обстрел зенитных орудий, я раскрою несколько раз сжатый кулак.

Вот и все, в сущности. Очень просто, неправда ли?

Если же случится что-нибудь совсем необычайное, тогда Энгман должен, по уговору, убавить газ, и мы сможем прокричать друг другу несколько слов.

Итак: вираж влево.

„Уай-и-и!"—завывают тросы, когда машина делает поворот.

Через несколько минут, пролетев довольно большое расстояние, я ударяю Энгмана между лопатками: снова вперед — к фронту. Машина медленно принимает горизонтальное положение.

Ориентироваться легко: надо только держаться прямой, как нитка, дороги, ведущей из Лорэ в Сарло. Вон обоз из пятнадцати грузовиков движется к фронту, оставляя после себя тучи пыли. Снаряды или провиант? Маленькие темные четырехугольники грузовиков отчетливо выделяются на серебристо-серой ленте шоссе.

Железнодорожное полотно тянется, на несколько километров, рядом, в том же направлении, что и большая дорога. Вон со станции Гивонь выходит, как раз, длинный товарный поезд. Мы очень быстро его опережаем...

Дальше, дальше... Вдруг дорога ныряет в лес. Из-за деревьев она кажется нам теперь узкой и неправильной.

Вот она снова выходит на простор и вливается в село, — повидимому, зажиточное, потому что оно лежит в плодородной долине небольшой реки. Вдоль шоссе вытянулись жемчужной ниткой деревни и фермы. За ними — белая беспорядочная куча рвов резко бросается в глаза между зеленой травой, лежащей неправильными рубцами. Здесь упражняются войска, которых обучают штурму неприятельских окопов.

Я бросаю быстрый взгляд сквозь тросы и вижу прямо перед собой, как на плоской тарелке, — позицию.

Между нами и врагом — темная лента, то узкая, то широкая. Окопы то расходятся на тысячи метров, то прибли-

жаются друг к другу, то чуть не сливаются вместе. А из передовой траншеи выползают, точно щупальца, грозные подкопы.

На железнодорожном полотне уже не видно больше дыма паровозов. А на серой ленте шоссе, даже вооруженным глазом, не заметишь ни одной повозки, ни одного пешехода.

Мы приближаемся к царству артиллерии.

На французской и германской стороне — картина одинаковая. Вон в той деревушке, что прямо за окопами, вряд ли сохранились какие-либо стены, а в той, что лежит подальше, они еще уцелели кое-где. Но нет ни крыш, ни дверей, ни окон. А еще дальше, начиная от главного траншейного хода до самого отдаленного окопа, на много километров вглубь, где артиллерия предполагает местонахождение резервов и лагерей, — там все поля разрыты снарядами.

За позицией земля изуродована, точно оспой, тысячами воронок от тяжелых снарядов, а впереди нее она так разворочена гранатами и минами, что белый грунт, меловой и скалистый, совсем обнажен...

Бедная Франция!..

Сегодня утром сравнительно спокойно.

Лишь там и сям мелькают внезапные вспышки орудийного огня, моментально угасающие в зловонных облаках дыма и газов. Треск разрывающихся снарядов до нас не доносится: его заглушает гул мотора.

Мы пролетаем над германскими окопами. Вон, внизу, под нами, огромная воронка от грозного „чемодана". Она находится как-раз между обеими позициями, которые разделяет здесь пространство метров в сто, не больше... Кто вырыл сегодня эту воронку? Мы или неприятель?.. Я не знаю...

Вот, наконец, французские траншеи... Нервное напряжение, все усиливающееся по мере полета, достигает в эту минуту своего предела. Его невозможно преодолеть: оно неизбежно при каждой разведке... Мы над неприятельскими линиями. Вон французские канониры уже направляют на нас свои зенитные орудия... Когда раздастся первый выстрел, и где упадет снаряд?..

Энгман беспокойно ерзает взад и вперед на своем сиденьи. Он перегибается то вправо, то влево, стараясь высмотреть что-нибудь у мотора. Но там ничего подозрительного...

Я тоже выворачиваю себе шею, поочередно склоняясь от правой бортовой стенки к левой, а оттуда — опять назад. Крепко уцепившись за кабан, я вытягиваюсь на цыпочках и смотрю через крылья вверх... Нет, нигде еще не видно следов разрыва...

Когда же, наконец, вынырнет снаряд! Хоть бы скорее!.. Под нами медленно уходят назад окопы, очень медленно (так нам кажется сверху), хотя мы летим со скоростью в 150 километров в час...

А выстрела все еще нет!.. Здесь Энгман не нуждается в моем похлопывании: он в точности знает, что ему надо делать. Хотя момент для увертывания от разрыва гранаты еще не подоспел, мой пилот уже летит не по прямой линии, а каждую четверть минуты меняет направление; он делает это очень осторожным, едва заметным передвижением руля поворотов, чтобы не возбудить внизу излишнего внимания неприятельских артиллеристов, которые могут, в таком случае, переставить дистанционную трубку или фитиль.

Но почему же французы не стреляют?!

Я окликаю Энгмана и ищу в зеркале его взгляд. Я растопыриваю пальцы, отрицательно мотаю головой, вопросительно пожимаю плечами. Моя жестикуляция должна означать: „Где же огонь зенитных орудий? В чем дело?“ Энгман пожимает плечами: „Может быть, они нас еще не отыскали?“

Вдруг — тррах!.. Такой громкий выстрел, что мы невольно вздрагиваем, и в то же время снизу в самолет что-то так резко ударяет, что нас подбрасывает кверху... Ага! первая граната!.. И, как на грех, удачно!

Энгман делает крутой вираж вправо. Таким образом, второй снаряд упадет гораздо левее.

Слава богу: наконец-то, они открыли пальбу!..

Откровенно говоря, обстрел из зенитных орудий для нас, летчиков, всегда очень интересен. Он напоминает искусную азартную игру, только с очень высокой ставкой. Главное правило в этом состязании: противнику не следует слишком затягивать начало, ибо, как только мне известно, что он летит туда-то, я могу немедленно сделать ответный ход. Французам в этот день повезло с самого начала: обычно, если первый выстрел удачен, то и следующие попадают довольно удовлетворительно; если же первый снаряд — мимо, то часто случается, что артиллерист, направляющий стрельбу

внизу, из боязни сильного корректирования,[1] делает промахи, и гранаты, вообще, не долетают... А самое неприятное тут, это, конечно, те минуты, когда ждешь огненной реплики врага.

Мы недолго держимся нового направления, — иначе канонирам внизу будет удобно нас обстреливать. Полповорота налево! Посмотрим-ка, где теперь взорвется следующий снаряд. Правильно, так оно и есть! Далеко позади нас, из воздуха выплывает легкое белое облачко... Оно все растет и растет — и вдруг нас оглушает резкий выстрел. А вон там еще граната!.. Кажется, будто в пространстве носятся тонкие и нежные клочки и хлопья ваты, от которых... зависит наша судьба. Зубчатый осколок в тело или шрапнельная пуля в голову — и все кончено!.. Но о таких вещах вспоминаешь только мельком: там, наверху, для подобных размышлений нет времени...

Легкий крен влево.

Французам кажется, что они определили приблизительное направление, и они обстреливают нас гранатами и шрапнелями, быстро выпуская их одну за другой. Но мы летим быстрее, чем они корректируют огонь своей артиллерии. И потому опасные облачка от нас все дальше и дальше. Звуки выстрелов все слабее поражают наш слух, и скоро мы совсем перестаем их слышать.

Ну, теперь можно прямо вперед!..

Вдруг опять — ттрах!.. Как раз перед нами взрывается граната... Неприятный сюрприз! И через секунду дымок от разрыва тянется уже через наши тросы. Тьфу, чорт возьми! Какое адское зловоние от серы и селитры, брр! А самое главное — штучка угодила в нас весьма удачно.... Энгман ставит машину слегка на нос и „нажимает". Благодаря этому, мы выигрываем в быстроте и слегка теряем в подъеме. На высоте трех тысяч метров, сто или двести не имеют большого значения...

Браво! „Ход" был правильный: следующий разрыв происходит уже высоко вправо... Великолепно! Теперь больше не „нажимать" — иначе мы чересчур снизимся. И слегка вправо! Так!

Но французы все-таки заметили наш маневр. Трах! ттрах! — звенит в ушах одновременно справа и слева. Ах,

---

[1] Корректирование стрельбы — ее исправление.

злодеи! Повидимому, они выставили против нас новую батарею из четырех орудий. А направляющий стрельбу, видно, ловкий малый. Стреляет умопомрачительно...

Опят — ттрах! ттрах!..

Вот одна граната лопнула совсем близко слева, а другая чуть-чуть подальше справа и на этот раз ниже... Значит, француз заметил, что мы слегка потеряли в высоте. У этого артиллериста, должно быть, великолепный измеритель расстояния...

Небольшой вираж влево... Ага! теперь он пробует шрапнелями. Бац! бац!.. И тут этому молодцу везет. От резкого металлического звякания о левую поддерживающую поверхность, я круто вздергиваю голову... Пуля, как видно, ударила в трос или в подкос: вон две дырки в стяжке. Ветер пропеллера треплет истерзанные нити входного отверстия...

Пора нам, однако, уходить из этого пекла...

Я слежу за длинными дымовыми завесами, которые все дальше расплываются перед нами. Они облегчают неприятелю обстрел, но, вместе с тем, они помогают и нам. Благодаря этому дыму, мы видим, где надо приблизительно искать батарею зенитных орудий. Она, верно, стоит вправо, внизу, вон в том лесочке...

Я резко ударяю Энгмана по левому плечу, и он делает энергичный вираж влево. Мы отклоняемся почти под прямым углом от нашего прежнего курса.

Опять правильный „ход“...

Следующие десять или двенадцать выстрелов уже безрезультатно трещат все дальше и дальше. Теперь французам нужны новые записи, новый прицел, новые вычисления и новое направление... Маленькая пауза. Где взорвутся следующие снаряды?... Проходят полные ожидания секунды... Ура! вот они! Значительный недолет...

Легкий вираж вправо... Теперь недолет еще значительнее. Чудесно! И новых выстрелов не слышно...

Между прочим, своеобразная картина: весь путь, по которому мы летим, окаймлен облачками разрывов, — их больше сотни. Самые молодые, только что народившиеся, отливают белым серебром на солнце и кажутся прекрасного телесного цвета. Облачка постарше постепенно отстают от молодых и уплывают к лазоревому небу. А юный утренний ветерок,

со своей стороны, шаловливо играет с ними, пока не растреплет их до неузнаваемости...

Мы летим все дальше и дальше. Белые линии траншей то и дело прерываются, исчезая в лесах и котловинах. Приближаются большие лагери для резервов, пока еще скрытые в земле, ибо они находятся в зоне артиллерийского обстрела. Дальше показываются лагери уже незамаскированные, выстроенные из дерева и волнистой жести. Хорошие мишени для бомб, в особенности там, где сквозь зелень елей предательски мерцает светло-серый меловой грунт разрытой земли...

Здесь постоянное движение: сменяются воинские части, проходят обозы со снарядами, катятся санитарные повозки и походные кухни, теснясь и толкаясь у мостов и у въезда в деревню...

Мы летим все дальше и дальше — вдоль железной дороги.

Вот и Сель: головная станция непрерывного, почти не прерывающегося железнодорожного полотна. Вон, как раз, движется к югу дымовая завеса: это — поезд. Я приставляю к глазам бинокль и ищу цель. От сильного сотрясения напряженно работающего мотора, земля в крошечном отверстии стекла бешено танцует взад и вперед. Я крепко прижимаю бинокль к глазам... А, теперь я ясно вижу поезд, — каждый вагон в отдельности. Их около двадцати и почти все они закрытые. Бросаю взгляд на бортовые часы: восемь тридцать пять. Я быстро наклоняюсь над железнодорожной картой и зарисовываю поезд...

Дальше!

В бинокль я исследую дорогу. Сегодня, кажется, ничего интересного. По широкому шоссе из Селя в Серон стремительно мчится легковой автомобиль. За ним вьется огромный столб пыли и лениво ложится на зеленые квадраты полей. Вот он обгоняет обоз из десяти или двенадцати фургонов, которые тоже очень спешат. Германский летчик, несущийся над их головами действует им на нервы: они опасаются бомб.

Не бойтесь, друзья!..

У опушки леса—аэродром. На зеленом грунте резко выделяются коричневые ангары и белые палатки. Самолет, типа Кодрон, [1] только что сделал посадку и катит домой...

---

[1] Кодрон — самолет французской конструкции.

Счастливого пути!.. Я снова вооружаюсь биноклем: два ангара и шесть палаток... Так! А на-днях было только три: значит, прибыло подкрепление. Я быстро вынимаю из футляра камеру, где все уже готово. Моя левая рука — у груши, а правая — у спуска. Смотрю на цель: раз! — и снимок сделан... Быстро меняю пластинку, завожу пружину и сую аппарат обратно в футляр. Вслед затем крепко цепляясь за кабан, перевешиваюсь за борт, высматривая в пространстве — над нами, под нами и за нами — неприятельских летчиков. От этой наиболее грозной опасности можно оградить себя только одним: не дать застать себя врасплох.

Деревня... Французы сильно ее укрепили. По ведущей в нее дороге — я вижу это очень ясно — туда въехали грузовики с воинскими частями. С правильными промежутками они вырисовываются в виде шести рядов маленьких светлых прямоугольников...

Опять аэродром. Снаружи его стоят самолеты. В бинокль я насчитываю три. Два из них — Кодроны с широкой стяжкой. Они похожи на больших коричневых бабочек с сине-бело-красными глазами... А третий — маленький бомбомет — Ньюпор. [1] Он окрашен в темно-серый цвет и выделяется на земле только собственной тенью...

Эта местность довольно густо усеяна аэродромами. У опушки следующей деревни — опять аэродром.

Здесь, насколько я помню, расположена артиллерия авиоотряда. Я быстро вооружаюсь биноклем. Вот как! Пошло на убыль. Две палатки исчезли. Я только хочу опустить бинокль, как вдруг в поле моего зрения скользит крохотное пятно. Хочу его поймать, — не удается. Быстро отрываю бинокль от глаз: — куда же девалось это пятнышко?

Ах, вот оно что: старый самолет Фарман...Ну, это безвредная для нас вещь! Не говоря уже о том, что он забрал всего 800 метров высоты.

Вероятно, и он не заметил нас вверху, потому что летит прямо к фронту, — хочет, вероятно, обстрелять артиллерию.

Мы его не трогаем...

Летим дальше... Вдали — вокзал Серона. Важнейший железнодорожный пункт армии, действующей против нашей. Здесь проходят все поезда с войсками, снаряжением, продо-

---

[1] Ньюпор — самолет французской конструкции.

вольствием и всем тем, что необходимо для полевых войск.

По мере того, как мы несемся вперед, перед нами появляются все новые сооружения, вырастают из земли новые ангары, ползут новые подъездные и запасные рельсовые пути, высятся новые товарные платформы. Еще дальше показывается, очень медленно, город, вместе с вокзалом. Здесь я вижу длинный поезд — готовый к отправлению состав почти из пятидесяти вагонов... Еще дальше — дымящиеся локомотивы, депо, бараки...

Я заношу на карту железнодорожные пути и тянусь за камерой...

Вдруг — ттрах!.. Немного слева, спереди, рвется первая граната! Так! Здесь, как видно, тоже установлены зенитные орудия, и не одно, а целая батарея... Ничего не поделаешь: надо итти напролом!..

Теперь мы не можем делать крутые виражи, чтобы увертываться от снарядов, ибо тогда мы не пролетим отвесно над рельсами и не выполним нашего задания: сделать ряд снимков... Значит — напрямик!

Впрочем, огонь зенитных орудий, сам по себе, — уж не такое большое зло, хотя здесь, далеко за фронтом, даже одна свинцовая пуля, попав в мотор, может натворить много бед.

Гораздо опаснее другие враги: это — эскадрильи Ньюпоров, имеющие своей задачей захват одиночных самолетов, которые летят на разведку отдаленных от фронта станций и дорог и появляются один, два или три раза в течение дня. И хуже всего то, что эти Ньюпоры довольно легко нападают на наш след... Ну, да будь, что будет!..

Я делаю главный снимок и быстро фотографирую дополнительные цели... А теперь — дальше и... смотреть в оба...

До сих пор земля была нам видна сверху совершенно ясно. Теперь же под нами несутся клочья облаков, которые там и сям мешают видимости. Они отличаются еще одним неблагоприятным свойством: это не части обширного облачного покрова, а кучевые облака. К тому же, они очень высоки, а толщиною доходят до 1000 метров. Их вершины достигают 4500 метров, — я же летаю не выше 4000. Отсюда вывод: меня могут ждать неприятные сюрпризы в виде Ньюпоров, скрытых за облаками. А потому зоркость необходима тут необычайная.

И, разумеется, надо все время продолжать наблюдение...

Тем более, что подо мною опять что-то интересное: по дороге между Сероном и Дувилем тянутся тридцать огромных массивных существ. Бинокль к глазам: грузовики. Быстро заношу их на карту и отмечаю время.

Земля медленно уплывает под нами...

Там, далеко южнее большой деревни, я замечаю множество кругов для верховой езды. Вероятно, там расположилась кавалерия, так как обозов не видно. К северу от деревни вытянулись деревянные сараи. Сверху они замаскированы сосновым хворостом, чтобы летчик принял их за полоску леса. Но многочисленные следы повозок и растоптанный грунт наводят меня на правильное предположение: это — склад фуража.

Хорошая мишень для моих свинцовых стрел.

Быстро соображаю: южный ветер, — значит, надо слегка замедлить ход машины, потом немного задержаться... Так... Вот теперь мы, кажется, взяли правильный курс. Я медленно опорожниваю ящик, чтобы сбросить мои острые штучки, из которых несколько наверное попадут в цель. В солнечном свете ярко сверкает стальной рой моих грозных пчел...

Дальше!.. Мы летим вдоль края высокого облака.

Энгман дергает вдруг рычажок газа и показывает вверх.

— Французы! — кричит он и мгновенно делает крутой вираж влево.

Я вскидываю голову кверху.

Действительно, не далее, чем в двадцати метрах, отвесно над нами, скользит, у края облака, Ньюпор. Корпус и крылья у него светло-голубые, а его две большие сине-бело-красные кокарды светятся, точно два огромных глаза бабочки...

Я сразу вижу, что его карта уже бита. Оттого, что он пролетает над нами чуть-чуть слишком отвесно, ему нужно сделать вираж прежде, чем он опустится на нас... И в то же мгновенье я прицеливаюсь из своего пулемета и осыпаю врага градом пуль. Он мгновенно ставит свою машину на нос и снова ныряет в облака...

„Так-так-так-так!“ Что-то резко трещит над моим ухом. Я переворачиваю кольцо пулемета. Ах, чорт возьми, там, влево, еще один француз и (будь он проклят!) — чуть-чуть сзади него — еще один, третий.

Последний пока еще не опасен, — надо только следить, чтобы он не напал врасплох. Но второй, справа, уже совсем близко, и надо сперва взяться за него. Я тщательно беру его на прицел и выпускаю в него целый сноп пуль.

Повидимому, Ньюпор неприятно поражен моей готовностью к отпору. А может быть, он уже расстрелял одну ленту, и ему надо снова зарядить свой пулемет... Как бы то ни было, он делает резкий вираж вправо и улетает...

Я снова осматриваюсь кругом: мне нельзя терять из виду двух других французов. И действительно, номер второй, как раз, наскакивает на меня снизу, а номер первый, в то же время,— наискось справа.

Так... Противники, видно, сообразили, что справятся со мною легче всего, если нападут вдвоем. К счастью, номер третий отстал еще на несколько сот метров...

Отлично! Возьмемся сперва за того, который справа. Я даю ему влететь в поле моего зрения и в течение двух секунд посылаю ему около десятка пуль... Маленькая пауза... Потом опять десять выстрелов. Повидимому, и этот Ньюпор тоже уже расстрелял свою ленту, ибо он делает крутой вираж, чтобы зарядить свой пулемет, и, описав широкую дугу, нависает над вторым летчиком...

Но мне некогда любоваться его замешательством...

„Так-так-так-так!“ — трещит теперь справа от меня, сверху вниз. Почти в то же мгновенье, я отвечаю на огонь, быстро повернув свой пулемет. Точный прицел... двенадцать выстрелов... короткая пауза... Потом снова прицел, и опять выстрелы... Все время я не перестаю думать о том, чтобы не израсходовать всех патронов.

Просто удивительно, как я спокоен. Ни признака волнения. Быстро и легко я выпускаю свои пули... „Так-так-так-так!“ Я закатываю молодцу уже четвертую порцию, но он не отстает от меня. Настойчивый парень, сразу видно...

Теперь между нами не больше ста метров расстояния... Энгман и на этот раз ведет себя безупречно. Как только он услышал, что я прекратил стрельбу, он делает один вираж за другим. Я невольно улыбаюсь, думая о том, как должен злиться упрямый француз, висящий сзади над нами: ведь это мешает ему прицеливаться... Тем временем, мне самому удается взять противника на прицел, и я хочу уже нажать спуск, когда улавливаю вдруг справа от меня, среди таканья

вражеского пулемета, жесткий звук. Ага, он попал! Чудесно! В то же мгновенье я стреляю. На этот раз несколько щедрее: тридцать пуль. Ура! неприятельский летчик вдруг скользит на левое крыло, потом, без малейшей предосторожности, ставит самолет на нос и отвесно падает вниз... И я попал!

И еще удача: второй француз, не сразу заметивший все, что произошло, успел снова приблизиться к нам на двести метров, но, сообразив в чем дело, он круто поворачивает машину, делает вольт и, вместе с третьим летчиком, остается на почтительном расстоянии...

Тррах!.. Что такое?! Первая граната из зенитных орудий. Да еще на полпути между нами и Ньюпорами... Это их окончательно обескураживает... Они поворачивают свои самолеты и улетают обратно на юг...

Ура!..

В течение десяти минут нас обстреливают из зенитных орудий, но мы уже вне пределов их досягаемости.

Каким смешным кажется нам этот обстрел после жестокого воздушного боя...

А теперь — домой!

Благотворная реакция охватывает мое тело...

Как прекрасна земля! Как чудесна, вон там, речная долина с ее лугами и деревнями! А как хорош этот канал, обрамленный тополями, и утреннее солнце, отбрасывающее их длинные тени на поле...

Энгман переставляет газовый рычажок на несколько зубцов, и мы скользим при 800 оборотах в минуту. Мы стараемся снижаться не очень быстро. Это необходимо, потому что наша барабанная перепонка несколько уже привыкла к разреженному воздуху, и все сгущающаяся атмосфера производит на нее страшное давление. Разница так значительна, что при быстром снижении в голове, обычно, шумит и жужжит...

Но даже и при медленном планировании мы вынуждены все время открывать рот и глубоко набирать воздух.

Стрелка высотомера неуклонно опускается: 3000—2500—2000..

Энгман снова дает газ — как раз настолько, чтобы мы могли лететь дальше на ровной высоте...

Пять минут спустя между тросами вырисовываются наши ангары.

На зеленом поле показываются два карлика, быстро разворачивающие на дерне длинное полотно: это — место нашего спуска.

До аэродрома еще 500 метров. Мы планируем, но недостаточно. Мотор снова гудит и увлекает самолет на несколько сот метров вперед. Потом его рев замирает, прозрачный кружок винта пропеллера становится все темнее, и мы парим на высоте двух метров над травой... Затем, птица медленно снижается и — бух!.. садится на колеса, а секундой позже — на хвост. Мы катимся по земле еще метров пятьдесят, потом останавливаемся... Хорошая посадка!

Мы осторожно едем к ангару, при чем у каждого нашего крыла снова по дежурному. Пока я снимаю очки и шлем и разряжаю пулемет, Энгман закрывает зажигание. Пропеллер делает еще несколько вялых оборотов и окончательно затихает.

Из стартовой будки выходит навстречу командир авиоотряда. Мы вылезаем из самолета и рапортуем о нашем возвращении. Он подает каждому из нас руку.

— Есть что-нибудь особенное?

Я вынимаю свои записи.

— Движение поездов: неоживленное. — И показываю ему заметки на карте. — Вокзалы нагружены нормально. Аэродромы...

Я объясняю сделанные от руки зарисовки, делаю краткое описание выдержанного нами воздушного боя и продолжаю:

— Огонь зенитных орудий, в общем, довольно посредственный. Местонахождение одного орудия установил с точностью: вот здесь, в небольшом песчаном рву. — Я опять указываю на карту. — Вот восемь фотоснимков. Попадания в самолет: два из зенитных орудий и четыре из пулеметов,— одно из них через левый передний подкос... Больше ничего особенного.

Капитан кивает головой.

— Очень хорошо... Спасибо!.. Напишите, пожалуйста, немедленно донесение, а я отправлю его в главный штаб.

— Слушаю, капитан!

В ЦАРСТВЕ ТУЧ.

Семь дождливых дней... Только сегодня показалось солнце, да и то мельком, кое-где, сквозь разорванные облака...

— Ну, Такэ, сегодня, я полагаю, мы, во всяком случае, полетим... Подумайте, чего только ни натворили французы за эту долгую неделю, когда мы не следили за ними. Нам необходимо узнать, как и что у них...

Энгман кивает головой.

— Конечно, господин обер-лейтенант, мне и самому очень любопытно понюхать, что у них там нового.

Я невольно улыбаюсь.

— Да, и мне тоже охота... Ну, что же, полетим... Велите приготовить машину, а я пока позвоню „зеленой лягушке“ [1] и справлюсь о высоте облаков.

* * *

Я иду к телефону.

— Алло! Кто?

— Полевая метеорологическая станция!

— Здравствуйте!.. Скажите, пожалуйста, какова высота нижней границы облаков? Сегодня утром она доходила до тысячи трехсот метров, но в настоящую минуту она, вероятно, несколько выше?

— Правильно, — жужжит в ответ. — Сегодня в полдень нижняя граница была две тысячи пятьсот. Кроме того, ветер слегка переменился. Сильный южный: двадцать два метра в секунду.

— Так... Очень благодарен...

Мы стартуем в 2 часа 45 минут дня. Направление: кратчайшим путем на фронт... Борясь с упорным южным ветром, машина карабкается вверх, как обезьяна. Уже сейчас слегка „болтает“, но с нашим сильным мотором это не имеет большого значения. В нем 160 лошадиных сил, и он проносит нас сквозь все воздушные ямы и рвы.

Я бросаю взгляд на небо. Над нами мечутся облака. Там и сям в них видны большие голубые дырки... И каждый

[1] „Зеленая лягушка“ — полевая метеорологическая станция.

раз, когда мы попадаем из солнечного света в облачную тень, машину так „болтает", что Энгману приходится делать вираж с быстротой молнии, — иначе нас мгновенно оттеснит в сторону...

Две тысячи метров...

И, несмотря на это, до фронта все еще километров десять... Вряд ли мы когда-либо летали при таком упорном южном ветре.

Я смотрю через борт. Мы, действительно, плохо подвигаемся вперед. Моментами кажется, что мы значительно ушли вперед, — но нет: это нас просто здорово „болтнуло", после чего наша птица невольно снижается. А когда она опускается, слегка наклонив нос, я вижу, что наше продвижение было обманчивое... Даже начинает казаться, что нас относит назад...

Но и это заблуждение: мало-по малу, хотя и черепашьим шагом, мы все же продвигаемся вперед.

И все карабкаемся вверх... 2400 метров... Мы уже над германскими резервными позициями... Но вот и они остались позади, и все ближе придвигается к нам широкая, разрытая гранатами и развороченная минами, полоса...

Я размышляю: сегодня от огня зенитных орудий нам наверное не поздоровится, — ведь мы с трудом пробираемся вперед, и французам без труда удастся всадить несколько гранат в нашу машину...

Я оглядываюсь кругом. Совсем близко от нас уже видны клочья туч...

Надо решить!.. Куда и как?

Перелетим ли мы фронт вдоль нижнего края облаков, на высоте 2500 метров, и будем держаться все время под тучами, или же мы попытаемся протолкнуться сквозь рваный облачный покров, забрав сперва высоту в 3000 метров?..

Энгман дергает за газовый рычажок и, пожимая плечами, пытается перехватить мой взгляд в зеркале. Что делать?

Я указываю рукой вверх: надо преодолеть облака!

Энгман кивает головой и передвигает рычажок для дальнейшего подъема...

Мы напряженно смотрим вверх, чтобы уловить одну из тех ямок, откуда, сквозь серую муть, нам сверкнет яркая лазурь неба, — сверкнет отрадно и сочно, словно здоровый мазок голубой краски на палитре художника...

Я гляжу на юг. Там, со стороны Авреля, ямок между клочьями облаков все больше и больше. Очень хорошо! Тем лучше нам удастся там разведка... А еще дальше, сзади, туч как будто совсем нет... И только на самом краю горизонта снова громоздятся сказочные замки...

Вот мы уже совсем близко от нижней границы облаков, тончайшие завесы которых с быстротой молнии проносятся мимо нас. Вон голубая дырка, а потом опять плотный покров... А вот мы ныряем вдруг в чудесном солнечном золоте... А там, опять мы видим небо только сквозь густую завесу... Потом опять, и надолго, плотный облачный покров...

Тросы свирепо свистят во время крутого виража вправо...

Вот большое отверстие, и мы хотим взобраться через него вверх. Кажется, нам это удастся... Нет, это только так кажется, потому что голубое пятно вдруг, точно его стерли мокрой губкой, исчезает... Мы никак не можем его снова отыскать и видим себя внезапно в самой гуще облаков...

Не беда!.. Ведь через несколько секунд (самое большое — через минуту), мы должны пробраться сквозь этот слой... Я перегибаюсь за борт... Ага! Вон и земля снова показывается!..

Я бросаю быстрый взгляд на компас, чтобы потом, в облаках, держаться правильного курса. Только бы не исчезла из виду земля... Лететь среди туч — это самое тяжелое дело для нашего брата. Чувство равновесия очень скоро пропадает, ибо оно может быть только тогда, когда глаз имеет возможность упираться в какую-нибудь точку... При этом все равно — где такая точка есть: внизу — на земле или вверху — на небе...

Энгман направляет машину все выше и выше.

Оказия! Земли снова не видно!

Я торопливо бросаю взгляд вверх. Солнце, где ты?

Покажется ли оно снова? Как томительно долго тянутся секунды! И как они полны надежды и жути!..

Ах, наконец-то! Солнце снова выглядывает из-за туч,— сперва совсем бледное, точно диск луны. Но и в таком виде оно сильно подкрепляет наше мужество. Теперь мы не пропадем!..

И вдруг снова — до-свиданья! Туманные тени, в перегонку, опять поглощают бледные отблески света. И, повидимому, надолго...

Я бросаю взгляд на компас. Он весь заиндевел. Дело дрянь!.. Я обматываю паклей длинный конец отвертки и вытираю стекло. Но через несколько секунд на нем снова образуется слой инея... Нет, так дальше нельзя! Это блужданье в пустоте невыносимо!.. Над нами еще раз выплывает бледный солнечный диск. Но если раньше, при нашем прежнем направлении, он стоял как раз перед нами, то теперь он мерцает где-то слева, сзади, снизу. Значит, мы окончательно сбились с пути. Да, дело совсем дрянь!

Нас снова поглощает туман. Мои очки тоже заиндевели. Я сдвигаю их с глаз... Теперь я могу видеть только через близко сдвинутые веки, потому что от ветра пропеллера веет колючим холодом.

Неужели солнце больше не покажется?

О, если бы мне удалось уловить хоть мельком землю внизу! Хотя бы на одну секунду... Я перегибаюсь за борт, пытаясь проникнуть взором сквозь серый мрак... Увы!

Я быстро подымаю голову кверху. Не мелькнул ли там солнечный свет?.. Нет, ни малейшей на него надежды!

Дело дрянь!..

Чувство равновесия пропадает окончательно. Я судорожно цепляюсь за подкосы кабана и, вместе с Энгманом, впиваюсь глазами в счетчик, отмечающий обороты. Мы на высоте 3000 метров. Значит, мы поднялись уже на 500 метров в облачном слое. Но как же так? Ведь облачный покров не может быть таким глубоким? Ведь, в крайнем случае, он достигает 200 метров?.. Возможно только одно объяснение: мы угодили как раз в такое место, где кучевое облако громоздится над этим покровом...

Скоро ли кончится это невыносимое, томительное ожидание? Быть, по милости коварных облаков, сброшенным с высоты 3000 метров... Брр!..

Мне начинает казаться, что железная песня мотора звучит уже не так отчетливо, как всегда. Ее глушат окружающие нас темные облачные массы. Кажется, будто мотор недоволен проникающим в него холодным сырым воздухом...

Три тысячи сто!..

И мы все еще во мраке, который не прорезает ни один милосердный луч. Я снова опускаюсь на мое сиденье... А не привязать ли мне себя поясом, чтобы не быть выки-

нутым из самолета, если бы нам пришлось скользнуть на одно крыло? Я размышляю... Гм!

Через секунду я быстро хватаюсь за концы ремня, висящие справа и слева от меня, и затягиваю скобу на талии...

В то же мгновение я внезапно вздрагиваю от какого-то очень странного ощущения: нас толкает вбок... мы уже больше не летим прямо вперед... мы скользим. Если теперь не покажется солнце, мы погибли... И вдруг, решившись, я опять расстегиваю скобу и несколько раз ударяю Энгмана по его шлему. Вниз! Вниз!

С моего пилота точно тяжесть свалилась. Он закрывает газ и ставит машину на нос...

Мы скользим! Отлично!

Теперь опасность уже не так велика... Мне хочется кивнуть Энгману в зеркало, подбодрить его, но ничего не выходит: стекло затуманено...

Мы снижаемся. Тонкая стрелка высотомера падает маленькими, легкими толчками. 3000—2900—2800—2700—2600... Скоро должна показаться земля.

Две тысячи пятьсот...

Свершается чудо: облачная завеса разрывается и перед нами лежит земля. Лежит? Нет, она висит! Да, висит и совсем криво... Вернее, это мы висим совсем криво на правом крыле... Энгман невольно делает крутой вираж влево, и птица медленно принимает снова горизонтальное положение... Нас охватывает радостное чувство...

Я бросаю взгляд вниз: мы летим как раз над французскими резервными позициями. Я толкаю Энгмана и указываю ему на них. От всего сердца мы оба смеемся: как это нас так угораздило!

„Ну, теперь уж все равно, — думаю я: — попытаемся-ка перелететь, спустившись под облака. Пусть нас лучше французы угостят шрапнелью, чем опять болтаться в этой ужасной облачной пустыне".

Я напряженно осматриваюсь кругом: куда попадет первый выстрел? Повидимому, противник нас еще не нащупал. Да и где ему: ведь мы свалились прямо с облаков... Я крепко держусь за кабан и привстаю на цыпочках, чтобы посмотреть вперед, над верхней поддерживающей поверхностью, — не видать ли там разрыва... Нет, ничего...

Постепенно мною начинает овладевать беспокойство: да когда же, господа французы, вы выпустите свой первый снаряд? Право, пора начинать!

Я кидаюсь от правого борта к левому, от левого к правому, опять подымаюсь на цыпочках, чтобы посмотреть вперед... Потом я снова цепляюсь правой ногой за железную ножку моего подъемного сиденья: ведь если „болтнет", то меня вышвырнет из кабинки... Опять перегибаюсь за борт: все еще ничего...

И так, медленно и томительно, мы скользим над вражескими окопами...

Я еще раз перегибаюсь вперед, вправо. Вон там, в маленьком лесочке, какая-то вспышка, а там, совсем рядом,— вторая. Огонь зенитных орудий...

И тут на меня находит странное чувство. Я уже говорил, что обстрел из зенитных орудий — искусная игра, нечто в роде шахматов... Французы посылают мне свой разрывной снаряд в такую-то точку, а я моментально передвигаюсь в такую-то... Они — туда, а я — сюда... Они — сюда, а я — туда...

Но игра — игрой, а ведь эти две первые гранаты могут сбить меня. Ведь я сижу вверху и не знаю, где они разорвутся. Быть может, если я прикажу подвинуть машину несколько вправо, то попаду в самый центр разрыва!

Ужасные, по своему напряжению, секунды... Глаза беспокойно рыщут в пространстве: где-то покажутся теперь два белых облачка?

А! вон они! Я облегченно вздыхаю. Наконец-то, начало положено! Ну, теперь пойдет потеха! Плохой прицел, господа французы... На тысячу метров влево перелет и на пятьсот— недолет. Но (чтобы им польстить) я притворяюсь, будто они попадают в цель. Легкий вираж вправо, потом прямо вперед...

Теперь, внизу, французы думают: „Ага, наши гостинцы ему не по вкусу; значит, высота, повидимому, взята правильно, и надо ее держаться"... Ладно, думайте себе, а мы, тем временем, потихоньку выпутаемся.

Кстати, далеко ли мы подвинулись вперед? Ой-ой! Мы все еще над резервными окопами противника, все еще в сфере огня зенитных орудий... Плохо дело... Сегодня я не нахожу в этом обстреле никакого удовольствия, ибо французы нащупывают нас гораздо быстрее, чем обычно.

Тррах! тррах!

Теперь их штучки уже так близко, что их треск заглушает рев мотора.

Тррах!

Я вздергиваю головою и успеваю во-время заметить, как совсем близко за нами пролетает черный стакан шрапнели. Энергичным толчком в плечо я приказываю Энгману сделать вираж влево.

Благодаря этому маневру, следующие снаряды разрываются, действительно, несколько правее, но поворот влево отнял у нас время и ни на шаг не подвинул нас вперед.

Тррах!

Теперь они подобрались еще ближе...

Сегодня отвратительный день!

Тррах! тррах! Что-то ударяет в деревянный пол с такой силой, что нашу птицу подбрасывает на несколько метров вверх, а затем она быстро оседает...

Неужели мы уцелели?

Оказывается, Энгман, по собственному почину, сделал вираж вправо, чтобы вырваться из пекла обстрела... Я напряженно вслушиваюсь в шум мотора: кажется, он еще в исправности и спокойно продолжает свои 1400 оборотов. А это самое главное... Но вон там, направо, в материю стяжки поддерживающей поверхности попала пуля... Хорошо, что хорошо кончается...

Но как долго, все же, это будет продолжаться?

Я совершенно не соображаю, сколько времени мы находимся под злобным обстрелом зенитных орудий... Мне кажется, что несколько часов...

Тррах! тррах!

Одна граната справа, другая слева, совсем близко от нас...

Что такое? Навстречу нам несется тонкий клочок облака. Даже не облако, нет, а только тонкая, как дуновение, вуаль. Вверху видно солнце, а снизу просвечивает земля... На мгновенье мы застреваем в этой вуали, а затем она сразу оказывается под нами, уплотняется, все больше и больше, пока совершенно не заслоняет от нас вида земли... Мы над облаками.

Все это мне кажется таким неожиданным, таким невероятно прекрасным! Мне не верится, что мы сразу избавились от обстрела... И я не могу не поделиться моей радостью

с Энгманом. Я кричу ему во все горло... И, пока он глядит на меня в зеркало, я жестами объясняю ему, чему я радуюсь. Потом я несколько раз растопыриваю кулак и отрицательно качаю головой: зенитного огня больше нет!

Спустя четверть часа облака исчезают, земля свободно расстилается перед нами, и я могу без помехи смотреть на железнодорожное полотно и пути, на вокзалы и лагери...

Отвертелись!..

БОМБАРДИРОВКА.

С проворством обезьяны мы перемахнули через фронт еще в предрассветной мгле, потому что свежий северный ветер быстро гнал нас вперед.

Это было, конечно, хорошо и даже приятно: лететь без помех и препятствий, — но затем мы узнали и оборотную сторону медали, когда пришлось, на обратном пути, покрыть целых восемьдесят километров, борясь с упорным встречны ветром!..

Мы имеем задание: произвести воздушную разведку и, мимоходом, сбросить две бомбы, по двадцати килограммов каждая, на вокзал в Ивокуре.

* * *

Я напряженно всматриваюсь вперед...

До цели всего несколько километров.

Значит, пора снизиться, — ведь мы на высоте около 3000 метров. А кроме того, сегодня наши игрушки должны упасть куда следует: вокзал-то ведь очень небольшой и узкий.

Я хлопаю слегка Энгмана по голове. Он медленно переставляет назад рычажок газа — и мы скользим. Я бросаю взгляд направо, у мотора, и вижу, как между тросами, внизу, наискосок, уже расплываются очертания города.

2400 — 2000 — 1500 метров...

У города мы забираем вправо, затем, широким виражем, ставим самолет против ветра и облетаем вокзал.

Вдруг я удивленно осматриваюсь. Что это такое? Ведь только что нас окружала густая мгла, а теперь совсем

светло. Отгадать не мудрено: на высоте в 2500 метров висела густая облачная завеса, закрывавшая нам вид, а теперь мы из нее выбрались. Ясно — откуда этот неожиданный и яркий свет...

Четырехугольные квадраты домов удивительно четко вырисовываются на фоне белых улиц. Ух! как быстро растут в величине все строения... Как быстро широкий мост через Аврель вытягивается в длину и в ширину. А как пенится вода там, за плотиной! Мне кажется, что шум ее доносится до меня даже сквозь свист тросов...

Мне становится немного не по себе при мысли, что на нас может напасть бомбомет: ведь от воздушного боя нас защищает только наша высота. Да и зенитные орудия, вероятно, скоро нас заметят... И я окончательно прихожу к заключению, что в ярком свете, которого я иногда так жажду, нет ничего хорошего...

Тысяча метров...

Вокзал медленно придвигается... На запасных путях длинные вереницы вагонов... маневрирующий паровоз... большие лагерные бараки... А вон там — огромные, круглые, накрытые белым дымом навесы для локомотивов... Отличная мишень!

Сбросить бомбы?.. Нет, надо выждать еще несколько секунд: дует сильный встречный ветер... Может быть, теперь?.. Нет, еще рано... Теперь можно...

Бух! бух!

Я перегибаюсь через борт.

Браво! Обе бомбы попали как следует... Одна угодила в самое нутро большого барачного лагеря, а другая упала в гущу вагонов. Браво!..

А теперь опять вверх!

— Полный газ! — кричу я Энгману.

Ах, как медленно мы поднимаемся... Проклятый северный ветер! Я чуть не скрежещу зубами от злости, что не могу подстегнуть самолет, как лошадь кнутом...

Проходит несколько мучительно тяжелых минут...

Мы все еще над городом!.. Мне кажется, что охваченная бессильной ненавистью толпа, грозящая нам, там, внизу, яростно стиснутыми кулаками, как будто цепляется за наши крылья и не пускает нас вверх... Это обманчивое ощущение болезненно отражается в моем мозгу... Боже, как

медленно мы ползем к северу... Уф! наконец-то мы перелетели через Аврель, все время упорно борясь с вихрем, который то и дело отбрасывает нас назад с силой рассвирепевшего быка...

Я еще раз осматриваюсь. Из бараков валит густой черный дым, как будто там горит. Жаль, что еще слишком темно для фотосъемки...

Вдруг я вздрагиваю... Что такое? Энгман остановил мотор... Я быстро озираюсь кругом... Что случилось?.. В зеркале Энгман, широко осклабившись, указывает мне вверх и растопыривает сжатый кулак: огонь зенитных орудий!

Я слежу взглядом за его протянутой рукой: высоко вверху, в море дыма, гранаты и шрапнели рвутся одна за другой. Похоже на вспышки карманных фонарей и даже на фейерверк. Так... Я соображаю... Необходимо, прежде всего, оставить французов в приятном заблуждении, что их снаряды попадают удовлетворительно.

— Вираж вправо! — командую я Энгману, хлопнув его по правому плечу.

Так... правильно... Дымки от разрывов послушно следуют за нами, но каждый раз на тысячу метров выше... Я и Энгман иронически усмехаемся друг другу в зеркале...

Однако... не все идет гладко... Ведь, как только мы сбросили бомбы, в авио-эскадрильях противника забили тревогу, и первые аппараты, вероятно, уже отстартовали. Конечно, при мутном свете раннего утра им трудно было обнаружить нас, но теперь, когда вереница пушистых облачков отчетливо указывает им путь, мы должны приготовиться к неприятным сюрпризам, — сегодня неприятным вдвойне при таком упорном встречном ветре...

Мы летим дальше и все с тою же безнадежной медленностью...

Я осматриваю местность внизу.

Над вокзалом в Гэ тянется белая дымовая завеса: это — железнодорожный поезд. В бинокль я насчитываю тридцать пять вагонов — закрытых и открытых. На некоторых из них яркие белые плакаты. Я заношу все это на карту и, в бинокль, снова смотрю вниз...

Вдруг мне кажется, что в зрительном стекле промелькнуло какое-то пятно. Я быстро отрываю от глаз бинокль, чтобы

расширить поле зрения... Так и есть: самолет! В это мгновение он находится по отношению ко мне в таком положении, что я могу видеть его только спереди.

Германец или француз? Не разберешь — ни по конструкции, ни по национальным цветам.... Даже в бинокль не видишь — что на нем: трехцветная кокарда или черный крест?..

Ну, да ладно: когда птица подлетит ближе, я успею во-время узнать, кто она. Высотомер показывает 2500 метров, а таинственный аппарат находится, самое большое, на высоте 1500 метров. Это значит, что я целых пять минут буду в безопасности от него: ему понадобится как раз столько времени, чтоб забрать такую высоту...

Во всяком случае, я рад, что обнаружил его. Ведь тем самым я выбиваю у него из рук главное оружие борьбы — нападение. Я лишаю его возможности подкрасться ко мне на расстояние двадцати или тридцати метров и всадить в мой самолет град пуль.

Если это француз, — пусть только приблизится ко мне, голубчик: уже он дождется от меня радушного приема! И я спокойно продолжаю наблюдать за незнакомцем, который быстро подходит.

Любопытство во мне сильно задето: кто же это — друг или враг?

Ну, да ладно: сейчас увидим!

Теперь мы летим над треугольником железнодорожных путей, который мне поручено снять. Я быстро хватаю камеру... устанавливаю экспозицию, опускаю штору кассет и... готово! Снимок сделан. И безукоризненно: отвесно, как и полагается. Затем я поскорее вставляю камеру снова в гнездо и оглядываюсь назад. Наш спутник приблизился на 800 метров...

В эту секунду во мне вспыхивает подозрение: а что, если эта птица должна послужить только приманкой? Может быть, ей поручено только привлечь наше внимание, чтобы другой самолет подобрался, тем временем, к нам сзади и напал на нас врасплох?.. Я быстро перегибаюсь верхним корпусом за борт и зорко озираю пространство под нами — каждую полоску земли, одну за другой... Ничего!..

Я продолжаю свои наблюдения, не переставая следить за таинственной машиной: она уже поднялась еще на 500 метров...

Но скоро вся эта история мне надоедает. Даже если мой безмолвный партнер и не нападет на меня, он все же сильно мешает моей разведке: ведь я должен все время иметь его в виду... Пора ему показать свои цвета. Но как принудить его к этому?.. Напасть на него? Нет, нельзя! Ведь, если это французский самолет, то у него то преимущество, что он уже узнал в нас врага и может улучить для атаки благоприятный момент, — например, во время виража. Мы же должны выжидать до тех пор, пока он не откроет огня, если до того времени мы не узнаем его по конструкции аппарата или по его отличительным знакам...

Но вдруг мне приходит в голову мысль: быстрым похлопыванием я указываю Энгману направление на фронт. Едва незнакомец заметил, что мы удаляемся, как он тоже повернул назад. Так! Повидимому, он сегодня не расположен к воздушному бою, или, может быть, полагает, что, спугнув нас, он выполнил свою задачу... Как бы то ни было, он уходит... Я моментально хватаю бинокль: „А, так и есть: француз... Ньюпор!“ Трехцветная кокарда ярко светится у его бокового руля.

Подгоняемый сильным северным ветром, вражеский аппарат стрелою уносится к югу...

Удачно отделались!..

Я быстро хлопаю Энгмана по правому плечу: мы тоже поворачиваем и летим дальше в прежнем направлении...

Француз сразу же догадывается о нашей хитрости и снова направляется к нам, но я тем временем успеваю снять, что нужно, и занести на карту все наблюдения над уличным и железнодорожным движением.

Еще одна экспозиция, и вокзал в Дувиле тоже будет снят...

На всякий случай, я оборачиваюсь: мой „безмолвный гость“ покрыл еще один километр. Не беда: вокзал уже подо мной, а я — отвесно над ним; через пять секунд снимок сделан, и крышка кассеты задвинута...

— Готово!

Я с наслаждением ударяю Энгмана по левому плечу: домой!

Еще раз быстро осматриваюсь кругом: только одинокий француз все еще упрямо нас преследут, а так воздух везде чист... Я исследую в последний раз местность подо мною...

Улицы не загромождены походными колоннами: видны только отдельные повозки. Куда ни кинуть взгляд на железнодорожное полотно, нигде нет дымовых завес, — только один локомотив стоит на запасном пути между редкими рядами вагонов...

Это все...

А наш Ньюпор? Он, тем временем, приблизился на 400 метров. Я переворачиваю кольцо пулемета и тщательно беру француза на прицел... Есть!

«Так-так-так-так!»

Противник ставит свою машину на нос и ныряет на несколько сот метров вниз. Потом он забирает высоту и осыпает меня градом пуль. Наши два пулемета почти одновременно плюют навстречу друг другу... Достойный храбрецов концерт!

Не знаю, может быть, я всадил ему пулю в мотор, а может быть, это новичок, которому неохота перестреливаться со мною: — как бы то ни было, он делает вдруг резкий вираж и уходит к югу...

Уф!

Как ни спокойно бьется сердце у привычного летчика в пылу воздушного боя, — но какое это чудесное чувство, когда сражение кончено...

Теперь нам остается только, при сильном северном ветре, который дует нам навстречу, уйти от огня зенитных орудий... Но это обстоятельство, при обратном перелете, заботит нас мало. Мы ставим машину на нос, пока измеритель силы ветра не покажет 200 километров: нам безразлично, как низко мы спустимся при этом, — ведь мы летим домой!

На высоте 2000 метров мы достигаем германских позиций.

Задание выполнено, несмотря на все помехи...

А спустя пять дней в „Берлинер Локаль-Анцейгер“ появляется не безынтересная для меня заметка:

ВОЗДУШНОЕ НАПАДЕНИЕ НА ИВОКУР.

Париж, 2-го мая. По сообщению „Тан“, в прошлую субботу германский летчик, пролетев над Ивокуром, сбросил две бомбы, которые причинили небольшой материальный ущерб.

В самом деле: только „небольшой ущерб“?..

МИНУС 30°.

Снег скрипит под нашими ногами.

— Ну, и полетец будет сегодня! — ворчит Энгман. — Три часа при этом собачьем холоде на высоте 4000 метров!.. Брр!..

Машина стоит уже перед ангаром. Только вода еще не налита. Помощник механика, как раз, несет ее в двух дымящихся кувшинах. Пока он наливает кипяток, мы одеваемся.

У нас вид полярных путешественников: подбитые ватой брюки, меховые сапоги выше колен, кожаная куртка, толстый шарф, меховые шапка и жилет, пробковый шлем...

А в придачу, лица смазаны густым жиром. Только губы и глаза остаются свободными.

Ну, теперь все в порядке!

Когда я осматриваю себя в зеркале, меня разбирает смех. Для поцелуя я не слишком-то аппетитен!..

Я грузно топаю своими слоновидными ногами и взбираюсь на свое место в кабине. Энгман приводит в действие мотор. От холода я высоко поднимаю плечи... Ну, и температура, чтобы чорт ее побрал!..

Ветер от пропеллера свистит, стонет и гонит кверху хрустальные снежинки, несущиеся от него в бешеном круговом танце.

Я прячусь с головой в корпус самолета... Все было бы хорошо, если бы не этот собачий холод!..

Мы катимся к концу длинной дороги, с которой дежурные по аэродрому сгребли в утренней мгле лопатами снег. Я надеваю себе на глаза очки, — специальные зимние очки, с двумя висящими кожаными щитками, которые должны оберегать от холода нос и щеки. В рот я беру конец шарфа...

Вперед!

Вот уже полчаса, как мы в пути...

Боже, какой лютый мороз! Сквозной ветер то и дело врывается через отверстие для бомб и накидывается на меня, как бешеная собака.

Чорт его знает, как это он ухитряется пролезать сквозь кожаную куртку и мое сложное одеяние! Я чувствую, что мало-по-малу коченею. Начинается это с пальцев ног, потом

холод медленно доползает до колен и, наконец, доходит до того, что все мое туловище, до самых рук, становится нечувствительным. Я усиленно разминаю пальцы, чтобы не отморозить их.

Потом я скольжу взад и вперед на моем подъемном сиденьи и хлопаю себя по бедрам кулаками, пока не согреваюсь.

Но при этом теплое дыхание моего рта попало под кожаные щитки очков и покрыло инеем их холодные стекла. И вот я должен снять очки и отверткой соскабливать с них лед.

Ну, и полетец! Энгман был прав...

* * *

Мы летим над окопами...

Первый снаряд зенитного орудия ложится довольно близко от нас. Я злобно смеюсь. Приятный денек, нечего сказать!..

Впрочем удачно ложащиеся гранаты, от которых гудит в ушах, и шрапнельные стаканы, свистящие уже совсем близко от корпуса аппарата, имеют и свою хорошую сторону. Ибо, — как это ни странно, — холод, проникнувший в мою горячую кровь и готовый прогрызть мое мясо до костей, вдруг уходит из-под моей кожаной куртки. Даже больше того. Один раз, мне словно кипятком облило спину...

Но, вот, мы выбираемся из сферы действия зенитных орудий, и холод снова проникает в мое тело... Я встаю, осторожно топаю ногами и хлопаю себя руками но туловищу... Это помогает, хотя на очень короткое время. При этом я смотрю направо и налево, чтобы не прерывать свои наблюдения. Потом я перегибаюсь через борт и ищу в пространстве неприятельских летчиков. Но их нет: куда их понесет в эту чортову погоду... Я вижу на железнодорожной линии серебристо-белую и резко-очерченную в морозном воздухе дымовую завесу. Руками в двойных перчатках я вытаскиваю кое-как карандаш из кожаного футляра, зажимаю его между пальцами, как длинную сигару, и царапаю им на карте. Затем я опять переступаю с ноги на ногу, хлопаю руками и прижимаю уши к голове...

Вокзал в Сероне. Мне надо его сфотографировать. С трудом я вытаскиваю камеру из гнезда. Она заряжена. Остается только поднять штору у кассеты. Но как это сделать? Моими медвежьими лапами мне никак не ухватить маленькое кольцо. Я быстро отрываю зубами кнопки на правой перчатке, зажимаю руку между коленями и срываю обе перчатки — меховую и шелковую. Потом я перегибаюсь через борт и делаю снимок. Это отнимает у меня не больше трех секунд. Но снова опустить штору кассеты у меня уже не хватает сил. Рука окоченела, как ледяная сосулька. Я отодвигаю камеру в сторону и растираю свои скрюченные, совсем посиневшие пальцы между коленями. Но это помогает мало... Тогда я отпускаю конец шарфа, который крепко держал зубами, и стараюсь теплым дыханием снова согреть руку...

Вдруг я испуганно вздрагиваю.

Тррах! тррах!

Гранатный огонь! Я быстро оглядываюсь в воздухе и перегибаюсь через борт, — нигде не видно дыма от разрыва. Странно! Вот опять: тррах! И совсем близко...

Внезапно я начинаю смеяться... Ну, и глуп же я! Да ведь это не орудийные выстрелы, а просто конец шарфа, который я держал во рту! Он намок от моего дыхания и на морозном воздухе моментально обледенел. Ветер от пропеллера стал раскачивать его затвердевший конец и ударять им по моему пробковому шлему с такой силой, что меня оглушало точно огнем зенитных орудий...

Я вдуваю жизнь в мою окоченевшую правую руку. Постепенно кровь в ней согревается... Я быстро надеваю перчатку, чтобы холод снова не въелся мне в пальцы. Потом я опять захватываю зубами конец шарфа, достаю камеру и опускаю, наконец, штору кассеты.

* * *

Я делаю еще пять снимков. Едва покончив с последним, я замечаю вдруг в поле моего зрения, далеко подо мною, что-то блестящее. Я впиваюсь глазами в подозрительный предмет. Ага!.. Француз... Биплан Спада. [1]

Только этого недоставало!

---

[1] Самолет английской конструкции.

И — удивительное дело! — я снова переживаю самообман: вместо холода, теплая волна разливается по всему моему телу...

В одно мгновение я поворачиваю пулемет. Но что это? Противник, повидимому, еще не желает встречи с нами: он летит дальше, в противоположном направлении... Впрочем, нет... Он делает вдруг крутой вираж и оказывается на одинаковой с нами высоте... Потом поднимается выше и летит на нас. Между нами расстояние в высоту около 800 метров: значит, надо выждать, пока он подлетит ближе. Стрелять немедленно было бы лишь бесцельной тратой патронов.

Я навожу пулемет на Спаду. Он находится как раз на пересечении нитей моего прицела, — значит, в 400 метрах. Он все еще не стреляет. Верно, думает застать нас врасплох... Посмотрим!...

„Так-так-так-так!“ — трещит ему навстречу мой град пуль. Он невольно делает легкий вираж. Теперь мне удобно опять прицелиться в него. Я нажимаю спуск, — но выстрела нет...

Заряд застрял... Я быстро заряжаю опять и натягиваю ленту. А с противоположной стороны уже несутся веером пули. Энгман делает быстрые и крутые виражи, чтобы затруднить противнику прицел.

В это мгновенье я вижу, что мне удобно стрелять в француза... „Так-так-так!..“ Три выстрела и — стоп! Опять заело! Рычажок поднят кверху и не откинут назад.

Я тотчас же смекаю, в чем дело. Бросаю взгляд на ленту: ну, да, конечно! Она замерзла и висит как твердая доска, вместо того, чтобы упруго входить в отверстие...

Я еще раз откидываю назад рычажок и подтягиваю ленту...

Шесть, семь, восемь выстрелов — и опять задержка! А между тем, таканье француза, который придвигается все ближе, болезненно поражает мой слух...

Уф! Наконец-то я наладил свой пулемет! Я закатываю врагу двадцать выстрелов подряд. На это он делает несколько легких виражей и снова нависает над нами... Я опять начинаю стрелять...

Так!..

На этот раз я выжимаю только один выстрел. С ума сойти! К счастью, Энгман быстро схватывает положение

и производит дьявольские повороты во все стороны. И спасает нас, ибо француз ни разу не попадает в наш самолет. Я крепко держусь правой ногой за железную подставку сиденья, чтобы меня не вышвырнуло при крутых виражах, и указываю Энгману в зеркале: домой!

Я пробую отвести назад рычажок, чтобы устранить задержку пуль. Не помогает... Тогда я быстро сдергиваю перчатку с правой руки и пробую еще раз. Я срываю себе при этом кожу, но зато рычажок отходит, и я получаю возможность влепить вновь приблизившемуся Спаде несколько выстрелов. Тут, француз, наконец, недоумевает. Он уже полагал, что раз пули застревают у меня в пулемете, победа окажется легкой. А тут мой „стрекотун" опять затакал... Неприятельский самолет делает резкий вираж вправо и быстро улетает...

Мне это приятно, ибо в то же мгновенье моя пуля опять застряла... в восьмой раз!

Когда, после возвращенья, я снял с лица, перед зеркалом, лежавший на нем толстый слой жира, то под ним показалась дышавшая здоровьем физиономия...

„Ну, слава богу, — подумал я, — кажется, ничего не отморозил..."

Но уже после обеда лицо мое пылало, как красный мак. А когда я пошел ужинать, то имел вид цветущей весенней розы: мой подбородок и обе щеки были все-таки отморожены...

У нас, на фронте, кто получает повреждение, подвергается насмешкам... Таков обычай...

Когда я вошел в столовую, надо мной начали потешаться. Все решительно: от начальника авио-отряда до маленького Германа, которого за два дня до того произвели в лейтенанты.

— Если бы я был вашим командиром, я возбудил бы против вас преследование за самоувечье, — съязвил один из летчиков.

А начальник отряда отвернулся от меня и, с притворным сожалением, произнес:

— Да, красавцем вас назвать нельзя.

Вот и вся благодарность за труды и страдания!...

НОЧНОЙ ПОЛЕТ.

Ясная, звездная ночь...

Энгман поворачивается на своем месте, насколько ему позволяет ремень, которым он привязан к самолету.

— Готово?

Я киваю головой.

— Да!

— Берегись! — кричит он обоим дежурным, которые, слева и справа, держат аппарат за крылья.

В ту же секунду гул мотора переходит в мощный рев, и мы несемся к старту. В те мгновенья, когда неистовый пропеллер ведет себя слишком бурно, Энгман передвигает рычажок на несколько зубцов назад и укрощает его пылкий нрав...

Я наклоняюсь вперед и всматриваюсь в слабо освещенное сиденье пилота. Который, собственно, час? Маленький циферблат на борту показывает 3.10. Значит, до подъема еще пять минут времени.

Мы медленно едем на край аэродрома, где горит разведенный костер...

Еще раз я освещаю своим карманным фонарем внутренность сиденья.

Четыре бомбы, которые сегодня ночью должны быть сброшены в Ланселе, мирно висят в своих ящиках. Здесь все в порядке.

До подъема еще одна минута...

Я нащупываю концы широкого пенькового пояса, которым я привязан: ведь, никогда нельзя знать, что случится, стартуя в такой темноте...

Наш мотор гудит на позднем зажигании, при 400 оборотах в минуту, и выбрасывает, от поры до времени, большую искру из глушителя.

Четверть четвертого...

— Отпускай! — кричит нам начальник авио-отряда, поднимая руку.

Раннее зажигание... рычажок газа передвигается дальше на два-три зубца... потом полный газ!

Мотор испускает рев...

Хвост нашей птицы поднимается все выше и выше... Еще один последний прыжок — и мы парим в воздухе...

Я похлопываю Энгмана и указываю ему направление: прямо на фронт, все время держа курс на юг. Сегодня мы можем себе это позволить, так как при южном ветре мы плавно подымемся на высоту 2000 метров еще до того, как очутимся над окопами...

Маленьким карманным фонарем я освещаю высотомер: 200 метров.

Поворачиваюсь еще раз и бросаю взгляд на аэродром, на небо и на всю местность вокруг...

Луны нет, — надо мною только звезды... А как хорошо видно все подо мною, там, внизу! Вон городок: его контуры можно угадать по уличным фонарям и отдельным освещенным окнам. На восточной стороне — вокзал: длинная жемчужная нить дуговых электрических фонарей, которая перекинута между обширными товарными платформами...

Мы летим вдоль ровной дороги. Самого фронта еще не видно. Но частые ракеты, с их светлыми венчиками, уже выдают его расположение. Там и сям, в ночном мраке загораются яркие вспышки, — это артиллерия в действии! Дальше, на востоке, где мы ведем наступление, воздух беспрерывно сотрясается, — я знаю, что это ураганный огонь, хотя ничего не слышу, ибо рев мотора покрывает собою все звуки...

Высотомер показывает уже 1200.

Мы приближаемся к окопам. Снизу уже смутно видны ряды второлинейных траншей, а очередная ракета раскрывает нам картину самой позиции. Блестящий свет магния бросает удивительно четкие и жесткие тени на развороченную и разрыхленную меловую почву... Вот мы и над позицией. Французы слышат гул нашего самолета и пробуют поймать нас в перекрестный огонь своих ракет, быстро посылая их, одну за другою, в нашу сторону... Но мерцающее сияние этих огненных змей слишком слабо, чтобы осветить нашу машину...

Через несколько минут мы выбираемся из местности с развороченной меловой почвой...

Вдруг, в воздухе появляется какая-то особенно яркая вспышка — и в то же мгновенье широкий луч света прорезает небосвод и подбирается к нам...

Прожектор!

Ах, чорт возьми!..

Мы знакомимся с ним в первый раз... Сначала нам кажется, что мы видим солнечный свет, который режет нам глаза, а потом мы не видим ничего... Мы ослеплены...

Ах, чорт возьм!..

Световые щупальца, длиною в несколько километров, исследуют пространство вокруг нас. Я приказываю Энгману сделать несколько виражей, чтобы затруднить прожектору его работу. Его луч замедляет свое движение, бросается то сюда, то туда. Ведь французы не могут нас видеть: они нас только слышат, направляя зеркало своего аппарата по шуму мотора.

Световая полоса то скользит над нами, то пробегает под нами. Один раз луч метнулся даже по нашей птице, причем мне пришлось закрыть глаза от болезненного ощущения... Но противник, повидимому, поторопился, потому что он ищет нас где-то далеко в небе. Я велю Энгману приглушить мотор, чтобы разведчики внизу сбились с направления. Нам это удается. Свет прожектора беспокойно прыгает кругом. Но уже через четверть минуты мы вынуждены опять дать полный газ, чтобы не снизиться слишком сильно.

Тогда неутомимый луч снова нащупывает нас, — но теперь мы значительно опередили точку его выхода, и свет прожектора, поэтому, недостаточно ярок, чтобы повредить нам...

Мы несемся дальше, прямо вперед, на юг.

Через четверть часа, от большой дороги, вдоль которой мы летим, ответвляется влево узкая пешеходная тропа... Там, где она исчезает в темной луговой долине, — там наша цель.

Ах, чтоб его!..

Опять прожектор... Впрочем, теперь он в трех километрах от нашей цели. Даже в том случае, если бы он ее освещал, он нам не помешал бы...

Осторожно хлопаю Энгмана по плечу и направляю его к нашей цели: все прямо вперед. Прожектор продолжает беспокойно шарить, то здесь, то там. Я приказываю на полминуты закрыть газ, и тогда сбитый с толку луч совсем расстраивается и бестолково мечется в разные стороны... И только когда Энгман опять пускает мотор, свет подходит к нам ближе. Но он уже опоздал... В течение четырех

секунд я сбрасываю свои бомбы. Затем крепко ударяю Энгмана по левому плечу: налево кругом!.. Теперь мы поворачиваемся к прожектору боком: он может нас охватить только со стороны и уже больше не ослепляет наши глаза.

Я перегибаюсь через борт. Теперь, когда мы летим непосредственно над темным дном речной долины, я могу видеть также очертания деревни и белые ленты дорог между домами... Надо опять сбросить бомбы. Раз! Яркая вспышка: первый номер — недолет. А вот — номер второй: упал на окраине деревни. Номер третий — еще дальше внутрь! Наконец, номер четвертый — прямо в центр!

Ура!

Теперь окончательно домой...

На этот раз мы знаем, где стоят прожекторы. Мы делаем над ними небольшие круги и радуемся, что они пытаются ослепить нас лучами, которые, на долгом пути к нам, почти все поглощаются мраком и дымом. Я почти беззаботно смотрю в зеркало прожектора и занощу место его установки на свою карту. Может быть, придется когда-нибудь угостить и его парочкой бомб.

А ВСЕ ЖЕ!..

Мы наполовину облетели наш участок.

Пора подумать о мишени для бомб. Я быстро принимаю решение: лагерь в Нарбонне.

Медленно хлопаю Энгмана по плечу и указываю ему это направление. Так... Теперь надо туда подобраться, и бомбы упадут, куда следует.

Но сначала я зорко осматриваюсь в воздухе; надо, чтобы ни один француз не напал на нас врасплох.

Повидимому, беспокоиться не о чем. Все в порядке... Впрочем, нет, не все. Слева, снизу, что-то скользит, как стрела... Бинокль к глазам — биплан с решетчатым хвостом: значит, француз, и, повидимому, Кодрон с двойным мотором.

Как быть?..

Момент для точного прицела уже потерян: ведь стоит мне только на несколько секунд спрятать голову в корпус самолета, как неприятель нас собьет...

Я быстро обдумываю положение: если француз все время будет сидеть у нас на спине, я не смогу ни сбросить мои бомбы, ни наблюдать, ни делать съемки. Посмотрим-ка, нельзя ли от него избавиться...

Я стремительно нагибаюсь к Энгману и показываю ему на Кодрона.

— В атаку!

Но мой пилот не успевает повернуть машину для нападения, как справа, спереди, к нам подлетает Ньюпор... Тьфу, чорт возьми, новая незадача!.. Не удивительно, что я чуть не проглядел этого маленького проворного молодца: я издавна привык видеть на французах трехцветные знаки, а этому молодцу вдруг вздумалось переменить свои цвета. На его светящейся кокарде уже не голубой фон, а коричнево-серый,— так что от земли он почти не отличается...

Значит, нам нельзя гнаться за Кодроном...

Я быстро направляю Энгмана прямо вперед. Но в то же мгновение маленький Ньюпор стрелой взлетает кверху и кружится около нас. Так как мы оба летим одновременно вперед, то создается впечатление, будто ветер толкает француза при вираже вниз. Нам это на руку, ибо дает нам значительный перевес в смысле времени. Я пользуюсь этим преимуществом, чтобы продолжать свои наблюдения и съемки...

Но надо быть начеку, чтобы Кодрон, пока я буду перестреливаться с Ньюпором, не устроил нам сюрприза снизу или сбоку. Я внимательно исследую пространство: Кодрон исчез. Неужели он так скоро потерял нас из виду? Сомнительное предположение: ведь сегодня погода довольно ясная...

Гм! Наверно он приготовил нам какую-нибудь гадость. Надо и дальше держать ухо востро...

В эту минуту меня пронизывает мысль: „Ах ты, господи: ведь бомбы-то еще со мною! С ними ведь не кинешься в воздушный бой!“ Я быстро высовываю голову за борт.

Есть ли вблизи какая-либо благодарная мишень? Нет, ничего... Правда, по пути есть несколько лагерей, но для этого надо сперва поставить аппарат против ветра, тщательно налететь на цель, взять на прицел, не промахнувшись на волосок и имея при этом за спиною Ньюпора... А все это — равносильно самоубийству.

Нет, не годится: мишень должна быть крупная,—такая, которая не потребует очень точного прицела...

А не подойдет ли для этого Дувильский вокзал, уже выплывающий наискосок, там внизу, и благодаря попутному ветру, явственно приближающийся к нам с каждой секундой? Ну, там видно будет...

Во всяком случае, просто сбросить бомбы на землю пред воздушным поединком, сбросить из одного только опасения что, быть может, француз всадит нам пулю в снарядную трубку, — нет, этого я не сделаю. Для этого я слишком дорожу моими бомбами. Я не решусь с легким сердцем истратить зря центнер взрывчатых веществ и стали... Нет, необходимо рискнуть...

А на всякий случай, испытаю-ка свой старый трюк, тот самый, которым, при сбрасывании бомб на Ивокурский вокзал, я перехитрил француза...

Энгман получает удар по левому плечу: к фронту!

Трюк и на этот раз мне удается: Ньюпор опять загибает на юг...

Энгман с досадой смотрит на меня в зеркало и сворачивает на прежнее направление...

Дувильский вокзал приближается. Сегодня чудесный попутный ветер, — совсем не то, что на днях, когда мы с трудом могли продвигаться при встречном северном ветре...

Вот тебе и на! Ньюпор опять возвращается...

„Так-так-так-так!“ — сыплется с его стороны. Несмотря на то, что он еще на расстоянии почти тысячи метров, я отвечаю на его огонь. Это вынуждает француза сделать вольт, а нам дает небольшой перевес... Странно, что в нападении Ньюпора так мало задора. От других противников мы так легко не отделывались. Вероятно, он новичек... Что же, тем лучше...

До Дувильского вокзала всего шесть километров. Мы летим прямо на него. На путях — два очень длинных поезда, вагонов по пятидесяти. Я заношу оба на мою карту...

Быстро озираюсь: Ньюпор опять приближается. А Кодрона и след простыл.

Опять, для вида, я снова велю лететь к фронту. Но на этот раз француз не дает сбить себя с толку и неотступно, по пятам, преследует нас. Верно, догадался, что мы хотим сбросить бомбы на Дувильский вокзал...

Вдруг — тррах!.. Я невольно вздрагиваю: совсем близко от нас лопается первая граната. Неприятно, чорт возьми!..

Мы угодили прямо в зону дувильских орудий... Не дожидаясь приказаний, Энгман поворачивает машину.

Где-то ляжет следующая граната?.. Тррах!.. На этот раз французы взяли высоту безукоризненно: снаряд разорвался всего в двухстах метрах за нами... Тем не менее, я громко хохочу: ведь это прямо под носом у Ньюпора. Воображаю, каково ему теперь. Он круто поворачивает и летит на юг...

Мы пользуемся случаем и снова несемся к Дувильскому вокзалу. Вокруг нас яростный лай лопающихся гранат и шрапнелей...

Справлюсь ли я? Если да, то наше задание будет выполнено на сто процентов, считая и бомбы...

Но где же Ньюпор? Его не видно...

Я рыщу вокруг глазами: ничего!

Это подозрительно. Я сильно высовываюсь за борт... Так оно и есть: он тут как тут... Хитрец хотел бросится нам под хвост, чтобы оттуда сбить нас на землю...

Ну, нет мой друг: этот номер не пройдет... Ты мне порядком надоел...

Я кричу во все горло Энгману, стараясь покрыть рев мотора. Пилот ищет в зеркале мой взгляд. Я трясу рукой над его головой и указываю на фронт: скорей отсюда! И, в то же мгновение, угощаю из моего пулемета Ньюпор градом в двадцать выстрелов...

Это французу не по вкусу. Он делает поворот и снова наседает на нас сзади.

Тррах!.. Опять граната и — удивительно — на этот раз так близко перед самым Ньюпором, что он яростно поворачивает и с жужжанием улетает. Я велю Энгману сделать легкий вираж и указываю ему на снижающегося француза.

Мой пилот, весьма довольный, покачивается взад и вперед на своем сидении. И я тоже. Внезапно ослабевшее напряжение нервов вызывает в нас чудесное ощущение... И вдруг мысль: а бомбы?!

Я бросаю быстрый взгляд за борт: нет, здесь для нас не найдется подходящей цели, потому что снаряды нашей тяжелой артиллерии могут долетать сюда, и нам незачем мешать нашим собственным бомбардирам?.. Но не возвращаться же с бомбами домой? Ни в коем случае! Да, да! Мы снова полетим к неприятелю и всетаки сбросим бомбы там, откуда нас прогнал Ньюпор: на лагерь в Нарбонне.

Я наклоняюсь к уху Энгмана и кричу:

— Бомбы!

Пилот удивленно потягивается и закрывает газ, как будто не совсем поняв мои слова...

Я снова кричу ему:

— Не стану же я без цели швырять бомбы на землю из-за этого проклятого Ньюпора! Ничего не поделаешь! Мы снова пересечем фронт у Орнэ и сбросим их на лагерь в Нарбонне... Ух, как будет злиться тогда француз, если мы все-таки туда проберемся!..

Энгман кивает головой и начинает забирать высоту...

Три тысячи метров... Хватит!.. Хлопаю пилота по левому плечу: через фронт!

У зенитных орудий противник услышал гул нашего мотора.

„Бац! бац! бац! бац!" — угощает он нас четырьмя шрапнелями перед самым носом, чтобы помешать нашему полету. Не беда: слишком низко!..

Французы медленно нащупывают нас.

Тррах!..

Здорово!.. Совсем близко!..

В первое мгновение я испуганно вздрагиваю. Но быстрый и широкий вираж вправо выносит нас из зоны обстрела, и следующие снаряды ложатся уже значительно левее.

Опять вираж влево — курс на цель...

Удивительно, как быстро ветер гонит нас вперед... Еще несколько минут, и мы полетим к лагерю...

Я беру его на прицел, отдергиваю в два коротких промежутка рычажок и перегибаюсь через борт. Я успеваю заметить, как оба снаряда все быстрее и быстрее летят на землю.

— Тррах! тррах! — опять трещит, в то же мгновение, направо перед нами...

Но я рад: дело сделано... Хлопаю Энгмана по левому плечу и радостно трясу рукой в зеркале, где пилот ищет мой взгляд.

— Домой!

Затем я быстро выхватываю камеру, которая у меня под рукою, подымаю штору кассеты и жду разрыва бомбы. Вот он: высокий столб черной грязи вырастает из середины лагеря... Я быстро снимаю... Готово!..

За нами вьется дорожка из белых облачков: это — путь по которому мы летели. Они имеют теперь такой милый

и невинный вид, эти дымки от снарядов, а ведь порою они несут с собою столько бед!..

Вдруг, далеко позади, на голубом небе обрисовывается черный силуэт: Ньюпор!

Поздно, милейший!..

Мы как раз в эту минуту проскальзываем обратно через фронт. И мы уверены, что Ньюпору нас не догнать, а выстрелом из зенитных орудий, все еще нащупывающих нас, наш самолет не сбить.

И мы радуемся от всего сердца, что поставили на своем...

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ „С 666".

До восхода солнца еще час...

Бомбы подвешены...

Старший механик высовывает на секунду голову из корпуса самолета.

— Еще три минуты до старта, господин обер-лейтенант.

— Отлично!.. Воспользуемся этим, Такэ, и проверим еще раз наш воздушный маршрут.

Через откинутые дверцы мы входим, спотыкаясь, в освещенный ангар и изучаем растянутую на верстаке карту.

— Хотя наше задание,—говорю я моему пилоту, — сводится, главным образом, к воздушной разведке в направлении Авреля, я полагаю, однако, что при сегодняшнем попутном ветре, мы сможем пробраться гораздо дальше внутрь страны. Я укажу вам тогда наш дальнейший маршрут условленными между нами знаками... Мы пересечем фронт у Сарло и полетим вдоль железной дороги до Этре-Элана. Там мы сбросим бомбу на вокзал и повернем на запад... У вас есть какие-нибудь вопросы?

— Нет, господин обер-лейтенант.

— Ну, тогда в путь!

Мы влезаем в корпус самолета. Энгман еще раз пробует мотор: работает исправно. Пока дежурный по аэродрому зажигает костер, который должен облегчить нам ориентировку в течение некоторого времени после старта, мы с гуденением взлетаем... Я хлопаю пилота между лопатками, что

означает: все прямо к фронту,—и освещаю карманным электрическим фонарем высотомер: двести метров. Потом я бросаю взгляд на аэродром, чтобы установить, по земле направление на север... Что такое?.. В чем дело?!. Я ясно вижу, как там, внизу, люди растаскивают головешки костра. Пламя быстро уменьшается, и уже через несколько секунд последние дрожащие отблески еге исчезают во тьме... Что это значит? Ведь я приказал, чтобы полчаса, по крайней мере... И вдруг замечаю на блестящей поверхности правого крыла самолета... яркий отсвет огня зенитных орудий!..

Так и есть! Перегибаюсь через борт и вижу кругом под нами вспышки пушечных жерл, а над нами — пылающие шары взрывающихся гранат и шрапнелей... И я мгновенно уясняю себе картину: там — французская эскадрилья, а мы, как кур во щи, угодили в самый центр пекла... Как тут быть? Выпустить сигнальные ракеты, чтобы нас не обстреливали? Нет, нельзя... Тогда французские самолеты смогут без помехи продолжать свой путь. А кроме того, снаряды рвутся гораздо выше того места, где мы находимся, и навряд ли могут нас достать... Ах, ты, боже мой, уж если не повезет, то и на паркетном полу можно себе ногу сломать... Делать нечего — надо рискнуть... Чем чорт не шутит... Смотрю во все глаза — не вынырнет ли французский самолет... Нет, ничего не видать... Еще слишком темно... Вот если бы мы могли забрать достаточную высоту и врезаться во вражескую эскадрилью... И у меня внезапно является остроумная мысль. Я быстро нагибаюсь к Энгману.

— Закрыть газ!

Пилот медленно отводит назад рычажок.

— Над нами французская эскадрилья?!

Энгман кивает головой.

— Мы полетим сейчас к фронту, выполним задание, сбросим бомбы, а потом, на обратном пути, подкараулим вражескую эскадрилью...

Пилот соображает, в чем дело, и с довольным видом покачивается на своем бензиновом баке.

— Полный газ!

И пока мы боремся с сильным встречным ветром, нас обоих охватывает радостное предвкушение предстоящего боя...

Наконец, мы скользим над линией окопов... Несмотря на темноту, меловой грунт, выброшенный во время копания

траншей, выделяется резкой белизной на черной земле, словно тонкое ручное кружево на темном бархате... Вдруг слева, в направлении Серона, вспыхивает красный огонь... Он дрожит то тут, то там, потом снижается и, наконец, украдкою мерцает чуть заметным, очень далеким пламенем...

А на полдороге между нами и фронтом тоже виднеется огонек и тоже красный, — но он горит ровно и спокойно...

Я моментально соображаю, что это значит: там, где только что вспыхнуло большое красное пламя, расположен аэродром французской эскадрильи, которую мы раньше встретили и которая, вероятно, собирается сбросить бомбы на наш вокзал; а огонек, горящий вдали на фронте, — это ориентировочный пункт и находится он к северу от первого, чтобы самолеты могли легче определять свое направление...

Невольным движением руки я ослабляю бомбодержатели и хлопаю Энгмана, чтобы он держался того направления, в котором раньше горел огонь...

Теперь пламя, как будто, исчезло. Неужели команда на аэродроме предчувствует беду?..

Нет, пламя снова вспыхнуло, — минуты три после того, как оно погасло... Отлично!

Я приказываю пилоту закрыть газ.

— Аэродром французской эскадрильи! — кричу я ему.

Он кивает головой.

— И мы угостим его бомбами!

Энгман делает довольное лицо: „Очень, мол, хорошо, господин обер-лейтенант!“

Снова — полный газ!

Стоп! Вон идет поезд! Я быстро заношу его на свою железнодорожную карту, отметив также длину состава и время его прохождения. Потом, напряженным взглядом, я снова смотрю вперед...

Мы приближаемся к цели, и все так же, с равномерными промежутками, вспыхивает красное пламя магния...

Вот мы уже летим над треугольником рельсовых путей...

Здесь размещена батарея зенитных орудий.

Как бы она не испортила нам наш прекрасный фильм... Я собираюсь перегнуться через борт, как вдруг, глубоко внизу, замечаю вспышку... Чорт возьми! Что это: артиллерийский огонь или просто безвредный свет? Томительные секунды... Ничего серьезного, слава богу...

— Закрыть газ! — кричу я над ухом Энгмана.

Рев мотора медленно затихает, головная часть нашей машины снижается, и мы планируем... В ушах страшный свист и жужжание тросов.

Я командую:

— Спуск до двух тысяч метров, чтобы мне вернее попасть!..

Энгман кивает головой и, точно его осенило, дергает рукояткой газа взад и вперед: он „тыркает".

Этот маневр производит такой звук, словно самолет, с вращающимся мотором, снижается для посадки...

Продувная бестия, этот Такэ!

А главное — его хитрость удается: я вижу, как команда на неприятельском аэродроме беспрерывно подбрасывает в огонь магния, чтобы облегчить посадку нам, мнимым французам...

Я дергаю два раза рукоятку бомбодержателя.

Первая бомба, а потом вторая—летят вниз...

Мы несемся дальше, прямо вперед...

Я успеваю перегнуться через борт и посмотреть вниз: там вспыхнуло два раза, совсем близко у огня... Я доволен...

Я хлопаю Энгмана по правому плечу, что означает: вираж вправо. Мы подлетаем, во второй раз, к красному огню. И снова та же картина...

Бомбы третья и четвертая... Они попали, кажется, не плохо... Отлично! А теперь — на фронт...

Я невольно усмехаюсь, потому что огонь внизу все еще не погас... Мужайтесь, господа французы!..

И только тогда, когда мы отлетаем уже на порядочное расстояние, пламя внизу раскидывают и втаптывают в землю...

Неприятный сюрприз для противника!

Разведка, повидимому, дала у него маху: мы во второй раз перелетаем фронт, не испытав на себе ни действия зенитных орудий, ни нервирующего света прожекторов...

Как бы то ни было, мы с наслаждением потягиваемся на наших сиденьях: успех всегда делает людей счастливыми,— но и голодными...

Я еще раз приказываю Энгману убавить газ.

— Хорошее дело, Такэ! Теперь мы полетим назад в Сарло и еще раз перескочим через фронт... Пока мы идем против юго-западного ветра, надо забрать высоту в три тысячи

метров, тем более, что скоро покажется солнце... Сперва мы облетим наш участок, а потом, на обратном пути, постараемся встретить французскую эскадрилью... Сперва труд, а потом — забава...

Энгман кивает головой и снова дает газ.

Через двадцать минут мы опять перелетаем фронт у Сарло... Зенитные орудия нас обстреливают, но очень неудачно... Мы на них не в претензии.

Сегодня у французов мало интересного.

Движение поездов незначительное, ангары, по большей части, закрыты, аппаратов в воздухе не видно...

По случаю воскресенья, быть может?

Или они принимают участие в полете эскадрильи?..

Я ударяю Энгмана по левому плечу и правой рукой описываю круг перед его глазами. Потом указываю рукой на север: домой!

Впрочем, нет... Стоп!.. Вон там, из вокзала, как раз выходит поезд...

Я нагибаюсь внутрь самолета, чтобы занести поезд на мою железнодорожную карту, и вдруг... дергаюсь всем телом с такою силою, что ударяюсь головой о ящик с бомбами... Энгман закрывает газ.

Что случилось?..

Я высоко подпрыгиваю на своем сиденьи и слежу взором за протянутой рукой пилота: справа, перед нами, держит путь маленький биплан... Друг или враг? Так как корпус у него сплошной, то, на первый взгляд, нельзя сказать этого с уверенностью...

Но вот таинственный самолет поворачивает к югу, и тут, при свете раннего утра, я ясно вижу, как ярко сверкает металлический кожух его машины... Биплан с вращающимся мотором: значит — француз!.. Через несколько секунд нам уже виден весь его широкий бок... Я моментально приставляю бинокль к глазам... Так оно и есть: французская трехцветка у руля поворотов...

Значит, Ньюпор...

Кажется, он нас еще не заметил...

Хорошо, погоди же, молодчик! И я невольно улыбаюсь, когда горячий Энгман, не задумываясь, ударяется вслед за ним... Храбрый малый!

— Закрыть газ! — кричу я ему. И прибавляю: — В атаку!

Мой пилот покачивается взад и вперед... Прекрасный случай! Такого Ньюпора, маленького и проворного, мы еще ни разу не имели перед нашим пулеметом...

Наш мотор снова затягивает свою железную песню...

Энгман включает пулемет и изгибает спину для прицела... Я удивительно спокоен и напряженно смотрю вперед...

Мой пилот охвачен охотничьей лихорадкой. Ему хочется взять совсем близкий и рискованный прицел... Я с силою хлопаю его по плечу...

— Не глупите, Такэ!..

Энгман кивает головой и слегка передвигает руль поворотов. Готово!..

Он нажимает спуск — и таканье пулемета дребезжит французу во фланг. Чудеснейшая музыка!..

Я громко вскрикиваю от радости. Ньюпор, в первый момент, так ошеломлен, что Энгман успевает закатить ему больше шестидесяти выстрелов. Но вдруг он становится на нос и падает на сто метров вниз.

Я подумал, было: „подбит!" — но в то же мгновенье противка снова дал руль высоты, моментально перешел на горизонтальное положение и обратился против нас...

При всем нашем разочаровании, что нам не удалось подбить врага, мы невольно восторгаемся его блестящим лётным искусством... Наверное, „пушка". [1]

Пока Ньюпор сердится на дерзость германца, осмелившегося напасть на него, я поворачиваю мой пулемет и осыпаю француза новым градом пуль.

Почти одновременно француз круто вздергивает свою машину, так что она становится совсем отвесно к земле, и дает по нас около сорока выстрелов — все вверх и мимо... Только по таканью его пулемета я замечаю, что он стреляет.

Вслед затем он снова ставит свой аппарат на нос и — прежде чем я успеваю пустить ему вдогонку десяток пуль — он маневрирует с обезьяньей ловкостью, пикирует под нас и делает вираж вправо, да так круто, что машина его стоит буквально на кончике крыла; затем, через секунду, он снова высоко вздергивает ее и — „так-так-так-так!" — справа и снизу на нас опять сыплется град пуль...

---

[1] Старый, опытный летчик.

На этот раз француз взял лучший прицел...

Я слышу, как его пули свистят очень близко, так близко, что я их явственно различаю сквозь рев мотора, и в то же мгновенье одна из них больно ударяет меня в левую руку и, точно от толчка, отскакивает от дула пулемета...

Не повезло!..

Мне даже некогда посмотреть, не ранен ли я, потому что в тот же момент шустрый Ньюпор снова показывается над нашим правым крылом...

Но я уже взял его на прицел...

„Так-так-так-так!" — несется ему навстречу залп моих пуль. На этот раз, повидимому, посчастливилось и мне. По крайней мере, француз начинает вдруг круто планировать к югу...

Ура!

Надо поскорее посмотреть, что приключилось с моей рукой... Я снимаю перчатку... Кажется, отделался благополучно, — только сильно покрасневшее место там, где пролетела пуля. А когда я начинаю рассматривать свою меховую перчатку, то вижу маленький прорез, длиною в полсантиметра, точно сделанный острым ножом... Да, счастливо отделался...

Я толкаю Энгмана и киваю ему в зеркало. Он отвечает мне, и я, с чувством удовлетворения, хлопаю в ладоши.

Это должно означать: „Да, брат, чистая была работа!"

Но и мы, наверно, получили пару пуль, так же, как и француз, потому что был момент, когда они просвистели дьявольски близко...

Я внимательно осматриваю все вокруг... Ага! Вон одна — в левом крыле... А вон и вторая!... Правда, на расстоянии одного метра... Но зато третья пробоина уже ближе: в обшивке корпуса, у сиденья наблюдателя, с правой стороны, на высоте колен... Чорт возьми! — на левой стороне еще одна дырка, несколько ниже... Значит, я, действительно, был в самом центре обстрела!.. Ну, и везет же тебе, Гейдемарк!..

Но где же сидит та пуля, которая оцарапала мне руку?

Я внимательно гляжу вверх и... ощущаю сильный запах бензина.

Чорт возьми! Неужели прострелен бак!..

Я нагибаюсь к сиденью пилота и смотрю на бензиновые часы: они показывают 30 литров.

Значит, все в порядке...

А как обстоит с разносным бензиновым баком?

Я снова вскидываю голову вверх... Да, действительно, наше драгоценное топливо вытекает обильной струей, мгновенно распыляемой сильной воздушной тягой...

Я осматриваюсь с молниеносной быстротой.

Дело дрянь!.. Я вижу, что весь корпус и поверхность руля уже мокры от вытекающего бензина...

На все эти наблюдения у меня уходит меньше секунды...

Я наклоняюсь вперед к Энгману:

— Закрыть газ!

Рев мотора затихает, и только через жиклер бензин слегка шипит в цилиндрах — ровно настолько, чтобы клапаны работали, а пропеллер продолжался бы вертеться.

Энгман поворачивается и вопросительно смотрит на меня.

— Разносный бензиновый бак прострелен!

Пилот смотрит вверх и кивает головой.

— Не выключить ли мне и зажигание?

Я размышляю несколько мгновений.

Это, во всяком случае, рисковано: ведь тогда, по всей вероятности, мотор и пропеллер остановятся совершенно, а в воздухе пустить его в ход мы не сможем, — другими словами, мы будем вынуждены сделать где-нибудь посадку...

Но... лучше сесть где-угодно, чем свалиться, в дыму и пламени, с высоты 3000 метров, как это случилось пять дней тому назад с командиром северо-восточной эскадрильи...

— Да, выключить зажигание!

Энгман нагибается влево и поворачивает выключатель магнето вниз...

Мотор останавливается, а вместе с ним и пропеллер. Пилот делает рукою жест, выражающий сожаление... Я пожимаю плечами: да, досадно... Теперь нам, наверно, придется спуститься где-нибудь в открытом поле, потому что в воздухе завести мотор нельзя: на этот счет у нас обоих нет никаких сомнений... Впрочем, кроме потери времени, вынужденная посадка не вызовет никаких других осложнений. Зато самая страшная опасность: сгореть живьем — исключена...

Все это происходит очень быстро: в каких-нибудь пятнадцать секунд после того, как я выпустил в француза последнюю пулю.

...В француза?..

С быстротой молнии, я поворачиваюсь кругом: Ньюпор исчез... Вероятно, и ему влетело от меня порядком... И других самолетов тоже не видно... Я снова смотрю вперед... Высотомер показывает 2800. Значит, мы еще беспрепятственно перелетим через фронт... И действительно, под нами уже светится сеть французских резервных позиций, а их зенитные орудия уже щедро осыпают нас гранатами и шрапнелями...

2500 метров...

Значит, мы сможем сделать посадку вне пределов досягаемости французской артиллерии...

Две тысячи пятьсот метров... Это означает, при тихой погоде, планирущий спуск на протяжении свыше двенадцати километров, а сегодня, при встречном ветре, — около десяти.

2200 метров...

Я рассматриваю простреленный бак. А нельзя ли его законопатить?..

Я быстро вытаскиваю из кармана несколько пучков пакли и наматываю ее на острие отвертки. Очень осторожно пробую заткнуть ею обе пробоины. Удалось!.. Но потом, когда я, так же осторожно, вынимаю инструмент, к нему пристает, к сожалению, и пакля, и вся струя накопившегося бензина вырывается наружу... От силы воздушного течения горючая жидкость испаряется в одно мгновенье, сковывает мои лицо и руки ледяным холодом и покрывает льдом стекла защитных очков. Я сдвигаю их вверх и пробую еще раз заткнуть отверстия в баке...

1800 метров... Надо поторопиться... Хорошо еще, что мы выбрались из зоны обстрела зенитных орудий, и я могу спокойно работать.

На этот раз я вытаскиваю отвертку из бака с чрезвычайной осторожностью... Чудесно! Пакля прочно держится на острых краях пробоин... Ура! я показываю на мой успех Энгману. Он смотрит вверх и радостно кивает головой.

— Попробуйте еще раз! Может быть, мотор заработает! — кричу я ему на ухо. — Поставьте-ка самолет покруче на нос!

Он делает утвердительный знак и ставит оба магнето на вспышку. Потом он нажимает изо всех сил, так что тросы начинают гудеть и свистеть. У меня такое ощущение, точно желудок и сердце подкатили мне к самому горлу! Я невольно хватаюсь руками за подкосы кабана...

Энгман дает контакт с молниеносной быстротой. Безрезультатно!.. Еще раз! Опять безрезультатно: пропеллер ни на волосок не продвинулся... мотор онемел.

Мой пилот пожимает плечами и снова приводит аппарат в нормальное для планирующего спуска положение.

1200 метров...

Крутой спуск лишил нас нескольких сот метров высоты. Когда я ищу глазами, где бы нам спуститься, из бака снова брызжет вдруг струя бензина... Энгман вынужден нагнуть голову, чтобы не быть ослепленным... У меня моментально становятся мокрыми пробковый шлем и кожаная куртка... Бензин разъедает мне глаза, точно огонь, и опять леденит мне лицо и руки...

Когда зрение, постепенно, снова возвращается ко мне, я опять осматриваю бак и вижу, что между обоими пробоинами зияет широкая трещина. Кроме того, из бака вытекает еще новая струя: есть, значит, третья пробоина.

Я опять выдергиваю паклю, чтобы ветер подхватил струю бензина и отнес ее назад, — иначе вся жидкость попадет Энгману в лицо...

900 метров...

Пора позаботиться о месте для посадки.

Первый вопрос: каков ветер на земле?

Я опять нагибаюсь к пилоту.

— Видите вы там дым от локомотива, который стоит на свободном пути? Внизу — южный ветер...

Энгман кивает головой. Мы испытующе осматриваемся кругом.

Вдруг я пугливо и, вместе с тем, радостно вздрагиваю...

— Посмотрите-ка туда! По ту сторону села... вон то место... справа от стога сена... Это старый аэродром, где раньше был расположен 123-ий отряд... Там мы и сядем.

Энгман соглашается со мной...

400 метров...

Положение, как будто, улучшается... Времени у меня достаточно, да и навряд ли может теперь случиться что-

нибудь неожиданное... Я сделаю посадку там, внизу, подожду, пока из разносного бака не вытечет весь бензин, а потом, с оставшимися тридцатью литрами в главном баке, заведу пропеллер, — и мы сможем полететь домой...

Мне любопытно знать, справится ли с такой посадкой Энгман собственными силами. Я не могу ему ничем помочь... даже не смею: ведь я бы только помешал ему.

Энгман делает вираж влево — по направлению к месту спуска. Я быстро схватываю оба конца предохранительного пояса и задвигаю скобу... На всякий случай... Если бы мы опрокинулись, то я, описав кривую, был бы с силой выброшен вперед. А такое сальтомортале — прекрасный повод для того, чтобы сломать себе шею, несмотря на наличие плотного черепа и защитного шлема...

Ровно и красиво планируя, наша белая птица спускается. Вот колеса ее касаются земли — и в то же мгновенье, от сильного толчка, Энгман получает сильную струю бензина прямо в глаза... Он ослеплен и не замечает неровностей почвы на нашем пути... Мы налетаем на них, крепкие резиновые амортизаторы на оси тележки пружинятся и, с проворством обезьяны, которое еще сохранил наш самолет, он подскакивает высоко в воздух...

У меня мелькает в мозгу болезненная мысль: „Жаль, если мы разобьемся именно теперь!"

Как полено дров, мы опять падаем вниз и скользим при этом с правого крыла... Весь аппарат страшно трещит... Машина стоит на носу... Я крепко цепляюсь руками за бортовые стенки — и, в то же мгновенье, мы переворачиваемся...

Как ласочка, я выползаю из-под самолета. Мне уже не надо расстегивать пояс: от силы падения он просто разорвался.

Энгман, в свою очередь, с трудом карабкается из-под своего сиденья.

И у него пояс разорван, а его самого швырнуло со страшною силою вперед. Носовым платком он старается унять хлынувшую изо рта и носа кровь...

Мы молча обходим вокруг нашей мертвой птицы.

— Жалко, Такэ... Я так радовался, что мы сейчас полетим домой.

Мой пилот совершенно подавлен...

— Да... господин обер-лейтенант...все было так хорошо... и вдруг этот проклятый бензин... прямо в глаза!..

И он снова обтирает носовым платком льющуюся кровь...

— Ну, теперь уже нечего печалиться... Как-никак, а в воздушном бою нам очень повезло. Вы посмотрите только: одна пробоина справа в моем сиденьи, а другая — слева. А вот эти три штучки в разносном баке тоже проскочили как раз между мною и вами... А вон еще та пробоина вверху: ведь через нее можно почти просунуть целую руку в бак. И все сошло благополучно...

Энгман кивает головой...

А теперь посмотрим наши повреждения.

К сожалению, их очень много. Верхнее правое крыло сильно пострадало. Тележка совершенно сплющена. Пропеллер превращен в щепки, глушитель и выхлопная труба смяты, корпус искривлен.

— Да, собственно говоря, испорчено все, кроме мотора. Повидимому, он не пострадал, а это уж очень важно.

— Придется и его отдать в починку, — говорит Энгман.

— Да, придется...

Между тем, со всех сторон к нам сбегаются солдаты.

— Где ближайший телефон? — спрашиваю я одного из них.

— Тут, в деревне, господин обер-лейтенант.

Пять минут спустя, я уже связался с начальником моего авио-отряда. Я докладываю ему, в кратких словах, о результатах нашей разведки и о воздушном бое.

Он рад, что мы отделались благополучно...

— Я пришлю вам старшего механика на легковом автомобиле — говорит он, — а кроме того, два грузовика с людьми для починки самолета. До свиданья!

— До свиданья, господин капитан!..

В ожидании помощи, мы сидим на обломках нашей любимой птицы.

У меня ноет сердце... Я медленно обхожу вокруг самолета и поглаживаю его пробоины, — эти почетные раны, которые он получил в воздушных боях и под обстрелом неприятельской артиллерии...

Вдруг мы настораживаемся. С севера доносится хриплый лай лопающихся шрапнелей и гранат, выбрасываемых зенитными орудиями. А вскоре, невооруженным глазом, мы можем

сосчитать вражеские самолеты: одиннадцать штук. Это возвращается домой французская эскадрилья.

А за ней вдогонку несется стая германских летчиков.

„Так-так-так-так!" — звучит сверху вниз.

А мы беспомощно стоим на земле и завидуем нашим счастливым товарищам.

— Жаль — говорю я.

И Энгман подтверждает:

— Очень жаль...

Я со смехом утешаю его:

— Ничего, Такэ: завтра нам дадут новую птицу, и мы еще посмотрим...

А через несколько дней мой храбрый пилот и дорогой товарищ Энгман, после тяжелого воздушного боя, погиб смертью героя.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр

Предисловие к русскому изданию . . . . . .

Воздушная разведка . . . . . .

В царстве туч. 2

Бомбардировка. 3

Минус 30° 3

Ночной полет. 4

А все же! 4

Последний полет „С 666“ 5